

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

№ 4
апрель 2020

«Результаты проведенного сравнительно-правового анализа судебной практики рассмотрения уголовных дел свидетельствуют, что наиболее распространенными ошибками, препятствующими осуществлению правосудия являлись нарушения содержания и формы обвинительного заключения»

Калужный А.Н. «Обвинительное заключение как итоговый документ заключительного этапа расследования: проблемы процессуальной реализации и формы»

Стр. 34

- Разрешение судами Российской Федерации семейных дел с иностранным участием: теоретические и практические аспекты
- Какова цена незаконных действий должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда при реабилитации?
- Проблемы совершенствования нормативного регулирования и практики применения залога как меры пресечения
- Электронная технология определения оптимальной меры наказания («Электронные весы правосудия»)

ISSN 1812-3791

9 771812 379776 >

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

ПИ № ФС77-57988 от 28 апреля 2014 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно.

№ 4/2020

Учредители: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ», СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ПРИ ВЕРХОВНОМ СУДЕ РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- 3 Белякович Е.В.** О концептуальных подходах к пониманию категории «правовой срок» (часть 1)
10 Беспалов Ю.Ф. Разрешение судами Российской Федерации семейных дел с иностранным участием: теоретические и практические аспекты
14 Синицын С.А., Долова М.О. Процессуальные сроки рассмотрения жалобы на отказ в передаче кассационной жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании
20 Загидуллин М.Р. Субъекты юридической ответственности в гражданском процессе
25 Зубков В.Н., Гусева И.И. Какова цена незаконных действий должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда при реабилитации?
29 Черникова И.В. Понятия «арбитраж», «третейский суд» и «арбитражный суд» в российском законодательстве и вопросы, возникающие при их использовании

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- 34 Калужный А.Н.** Обвинительное заключение как итоговый документ заключительного этапа расследования: проблемы процессуальной реализации и формы
40 Петрухина А.Н. Проблемы совершенствования нормативного регулирования и практики применения залога как меры пресечения

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

- 44 Яшина А.А.** Этические аспекты дружеских отношений судьи в контексте обеспечения его беспристрастности

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 50 Ключников А.Ю.** Защита жертв домашнего насилия: опыт Латинской Америки для России

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

- 54 Латышева Н.А.** Великий прорыв отечественной судебной статистики 1872 года — сессия Международного статистического конгресса в Санкт-Петербурге

ДИСКУССИЯ

- 59 Аликперов Х.Д.** Электронная технология определения оптимальной меры наказания («Электронные весы правосудия»)

Подписка по России:

«Объединенный каталог. Пресса России» — инд. 85499,

«Почта России». Электронный каталог — П1774,

а также через www.lawinfo.ru

Формат 60 x 90/8. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж 4000 экз. Цена свободная.

Подписано в печать: 30.03.2020.

Дата выхода в свет: 15.04.2020.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

ISSN 1812-3791

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Бабкин А.И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Алауханов Е.О., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан;
Андреева Т.К., к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;
Гусев А.В., д.э.н., профессор;
Добрынин К.Э., статс-секретарь Федеральной палаты адвокатов РФ;
Ершов В.В., д.ю.н., профессор;
Запольский С.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;
Зорькин В.Д., Председатель Конституционного Суда РФ, д.ю.н., профессор;
Иванов А.А., к.ю.н., профессор;
Лебедев В.М., Председатель Верховного Суда РФ, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;
Сидоренко Ю.И., судья Верховного Суда РФ в отставке;

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Дедев Д.И., судья Европейского Суда по правам человека от РФ, д.ю.н., доцент;
Жилин Г.А., судья Конституционного Суда РФ в отставке, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;
Нешатаева Т.Н., судья Суда Евразийского экономического союза, д.ю.н., профессор;
Орлов А.В., председатель Арбитражного суда Центрального округа, к.ю.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный юрист РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Бельх В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Фото на обложке: фотобанк Лори

РЕДАКЦИЯ: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

ВЕРСТКА: Курукина Е.И.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.02; 12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — юридические науки).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

RUSSIAN JUDGE

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATIONAL EDITION.
REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING IN THE SPHERE
OF MASS COMMUNICATIONS, COMMUNICATION AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE.
PI No. FC77-57988. APRIL 28, 2014. PUBLISHED SINCE 1998. PUBLISHED MONTHLY.

No. 4/2020

Founders: JURIST PUBLISHING GROUP, JUDICIAL DEPARTMENT ATTACHED THE SUPREME COURT OF THE RF

CONTENTS

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- 3 Belyakovich E.V.** On Conceptual Approaches to Understanding of the "Legal Term" Category (part 1)
10 Beshpalov Yu.F. Solution of Family Cases Involving Foreign Citizens by Courts of the Russian Federation: Theoretical and Practical Aspects
14 Sinitsyn S.A., Dolova M.O. Procedural Time Limits for Review of a Complaint about a Refusal to Transfer of a Cassation Appeal, Petition for Consideration in a Court Hearing
20 Zagidullin M.R. Legal Liability Subjects in a Civil Procedure
25 Zubkov V.N., Guseva I.I. What Is the Price of Illegal Actions of Officials of Interrogation, Pre-Trial Investigation, Prosecution and Judicial Authorities in Rehabilitation?
29 Chernikova I.V. The Concepts of "Arbitration", "Arbitration Court" and "Commercial Court" in Russian Laws and Issues Arising in the Use Thereof

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- 34 Kalyuzhny A.N.** Accusation as the Final Document of the Closing Investigation Stage: Issues of Procedural Implementation and Form
40 Petrukhina A.N. Issues of Improvement of the Statutory Regulation and the Practice of Application of Pledge as a Restriction Measure

THE JUDICIARY

- 44 Yashina A.A.** Ethical Aspects of Friendly Relations of a Judge from the Standpoint of Securing His/Her Impartiality

FOREIGN EXPERIENCE

- 50 Klyuchnikov A.Yu.** Protection of Victims of Domestic Violence: The Latin American Experience for Russia

HISTORICAL ROOTS

- 54 Latysheva N.A.** The Great Breakthrough of National Judicial Statistics of 1872: A Session of the International Statistical Congress in Saint Petersburg

DISCUSSION

- 59 Alikperov Kh.D.** The Electronic Technique of Determination of the Optimal Punishment ("The Electronic Scales of Justice")

Subscription in Russia:

Unified Catalogue. Russian Press — index 85499,
Russian Post. Digital Catalogue — П1774
and also through www.lawinfo.ru

Size 60 x 90/8.

Offset printing. Offset paper № 1. Printer's sheet 6,0.

Conventional printed sheet 6,0.

Circulation 4000 copies. Free market price.

Passed for printing: 30.03.2020.

Edition was published: 15.04.2020.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

2, Svetlaya st., Kaluga, 248031.

ISSN 1812-3791

DEPUTY EDITOR IN CHIEF OF JOURNAL:

Babkin A.I.

EDITORIAL BOARD:

Alaukhanov E.O., LL.D., Professor,
Honored worker of the Republic of Kazakhstan;
Andreeva T.K., PhD (Law), Professor,
Honored Lawyer of the RF;
Gusev A.V., Doctor of Economics, Professor;
Dobry'nin K.E', the State Secretary
of the Federal chamber of lawyers of the RF;
Ershov V.V., LL.D., Professor;
Zapol'skij S.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Zor'kin V.D., Chairman, the Constitutional Court of the RF,
LL.D., Professor;
Ivanov A.A., PhD (Law), Professor;
Lebedev V.M., Chairman, the Supreme Court
of the RF, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Sidorenko Yu.I., Judge of the Supreme Court (retired);

EDITORIAL STAFF:

Dedov D.I., Judge of the European Court of human rights
from the RF, LL.D., Associate professor;
Zhilin G.A., Judge of the Constitutional Court of the RF
in resignation, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the RF;
Neshataeva T.N., Judge of the Court of the Eurasian Economic
Union, LL.D., Professor;
Orlov A.V., the Chairman of the Arbitration court
of the Central district, PhD (Law)

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., Professor, Corresponding Member of the RAE,
Honored lawyer of the RF

DEPUTY EDITORS IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Et.N., Platonova O.F., Truncevskij Yu.V.

CENTRE FOR EDITORIAL SUBSCRIPTION:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)

Photo of the cover: Lori Photobank

EDITORIAL OFFICE: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

LAYOUT: Kurukina E.I.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Telephone of the Editorial Staff: (495) 953-91-08.

Address of Editorial office / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb, Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

The journal is included in the database Russian science citation index.

Recommended by the Supreme Attestation Commission under the
Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of PhD and doctoral theses (12.00.02;
12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — law science).
Copyright reserved. Complete or partial reproduction of authors'
materials without prior written permission of the authors or the Edito-
rial Staff shall be subject to legal prosecution.

О концептуальных подходах к пониманию категории «правовой срок» (часть 1)

Белякович Елена Васильевна,
судья Арбитражного суда Челябинской области,
соискатель Юридического института
Российского университета дружбы народов (РУДН),
кандидат юридических наук
belyakovich108@gmail.com

Развитие общественных отношений предъявляет новые требования к эффективности действия института «правового срока», изменяя скорость, интенсивность функционирования правовой системы и повышая управляемость правовыми процессами. Настоящая статья посвящена исследованию правовых подходов к пониманию категории «правовой срок». Поскольку срок в праве является элементом правовой темпорологии, в статье рассмотрены общие вопросы взаимодействия времени и права, раскрыты свойства времени в праве, приведены способы воздействия темпоральных категорий на сферу правового регулирования, сформулировано понятие правового времени. В статье отражены существующие подходы к пониманию категорий «срок», «правовой срок». Раскрыта дискуссия о месте правового срока в системе юридических фактов. Автором высказано мнение о том, что правовой срок является юридическим фактом, а именно относительным событием. Сделан вывод, что в качестве юридических фактов в зависимости от конкретной фактической ситуации могут выступать сроки сами по себе как определенные периоды времени и моменты времени, временные периоды с фиксацией его начала, окончания, истечения и в его длительности, а также непосредственно сам процесс течения срока. В ходе исследования автором выделены признаки правового срока и сформулировано определение правового срока. Отмечено, что институт срока является эффективным средством правового регулирования, достижения упорядоченности, организованности и создания ритма, темпа юридических процессов.

Ключевые слова: правовой срок, момент времени, период времени, юридический факт, правовое время, свойства времени в праве, темпоральное действие права.

On Conceptual Approaches to Understanding of the “Legal Term” Category (part 1)

Belyakovich Elena V.
Judge of the Commercial Court of the Chelyabinsk Region
Degree-Seeking Student of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR)
PhD (Law)

The development of public relations imposes new requirements for the efficiency of the “legal term” institution amending the speed, intensity of functioning of the legal system and raising controllability of legal processes. This article is dedicated to research of legal approaches to understanding of the “legal term” category. As term in law is an element of legal temporology, the article reviews the general issues of the interaction between time and law, gives the attributes of time in law, describes the means of impact of temporal categories on the legal regulation sphere, words the legal time concept. The article describes the existing approaches to understanding of the “term”, “legal term” categories. The publication covers a discussion about the place of a legal term in the system of legal facts. The author expresses an opinion that a legal term is a legal fact, namely, a relative event. A conclusion is made that terms themselves as specific periods of time and moments of time, time periods of fixed beginning, termination, expiration, duration and the term process itself may act as legal facts depending on the specific actual situation. In the course of the research, the author singles out legal term attributes and words a definition of a legal term. It is noted that the institution of term is an efficient means of the legal regulation, achievement of regularity, organization and creation of the rhythm, pace of legal processes.

Keywords: legal term, moment of time, period of time, legal fact, legal time, time attributes in law, temporal force of law.

I. ВВЕДЕНИЕ

Пространство и время, образуя четыре измерения Вселенной, представляют для юриспруденции фундаментальную цен-

ность. Право развивается и эволюционирует во временном и пространственном контексте и не может рассматриваться в отрыве от них. Право не только испытывает

влияние со стороны временного и пространственного факторов, но и призвано регулировать данные сферы в юридическом аспекте.

Время объективно всегда присутствует в праве, проявляя свою природу в правовом регулировании, в том числе посредством института правового срока. Рассматривая время через призму концепта «срок», то есть в его длительности и последовательности его периодов или его моментов, оказывается, что право стремится приспособиться ко времени и воспринять его такие основные параметры, как прошлое, настоящее и будущее. Позитивное право вынуждено одновременно констатировать господство времени над человеком и разрешить «господство человека над временем»: то есть позитивное право интересуется, с одной стороны, способы подчинения времени и, с другой стороны, способы управления временем¹.

II. ВРЕМЯ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

В правовой действительности наиболее распространенной формой времени является календарное время, основное назначение которого сводится к исчислению времени в единицах метрической системы.

Вплоть до конца XIX века не существовало единого всемирного времени и лишь с появлением железных дорог возникла потребность в унификации исчисления времени. В рамках Вашингтонской международной меридианной конференции 1884 г. приняты резолюции о применении в качестве всемирного времени системы поясного времени, основанной на нулевом меридиане Гринвича — GMT (Greenwich Mean Time). Данное время еще называют астрономическим, географическим. В 1972 году вместо времени по Гринвичу было введено всемирное координированное время — UTC (Universal Time Coordinated), основанное на международном атомном времени. Данный стандарт времени применяется и на сегодняшний день.

На нормативном уровне всемирное координированное время закреплено в российском законодательстве Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 января 1992 г. № 23 «О порядке исчисления времени на территории Рос-

сийской Федерации»². В последующем был принят Федеральный закон от 3 июня 2011 г. № 107-ФЗ «Об исчислении времени»³, определяющий правовые основы исчисления времени, а также легальные законодательные дефиниции таких терминов, как григорианский календарь, календарная дата, календарная неделя, календарный год, календарный месяц, календарный день.

В целях обеспечения потребности государства в эталонных сигналах времени и частоты и в информации о параметрах вращения Земли, а также в распространении информации о точном значении московского времени и календарной дате образована Государственная служба времени, частоты и определения параметров вращения Земли. На международном уровне с 1912 г. в качестве международной организации, ответственной за определение всемирного времени, осуществляло деятельность Международное бюро времени, а с 1987 г. его обязанности исполняют Международное бюро мер и весов и Международная служба вращения Земли.

Вступая в различные правоотношения, сегодня мы уже не задумываемся о том, что их наличие и развитие, а также их темпоральная составляющая стали возможными вследствие правового исчисления календарного времени. Именно нормативно-правовое закрепление единого времени и единой метрической системы измерения времени стало тем инструментом, благодаря которому общественные отношения в целом в мире протекают в общих временных координатах.

Исходя из конкретных областей познания, помимо времени физического (величина, отражающая свойство материальных процессов иметь определенную продолжительность), можно также выделить время психологическое, политическое, историческое, социальное.

Под психологическим временем понимается реальное время психических процессов, состояний и свойств личности, в котором они функционируют и развиваются на основе отраженных в непосредственном переживании и

¹ Бертельс Ж.-Л. Общая теория права / пер. с фр. Г.В. Чуршуква. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000.

² Постановление Правительства РФ от 8 января 1992 г. № 23 «О порядке исчисления времени на территории Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». Документ опубликован не был.

³ Федеральный закон от 3 июня 2011 г. № 107-ФЗ «Об исчислении времени» // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3247.

концептуальном осмыслении объективных временных отношений между событиями жизни обычного масштаба⁴. Так, время, не наполненное событиями, обычно растягивается в представлении человека, а насыщенное событиями — ощущается быстро текущим. Человеку свойственны недооценка отдаленного будущего, значительных промежутков времени и переоценка непродолжительных. Объективность восприятия времени зависит и от эмоционального состояния человека.

Политическое время — это прежде всего событийное, а не календарное время. Политическое время характеризуется содержанием политической жизни общества на конкретном отрезке его развития. В качестве новой отрасли современной политической науки выделяют хронополитику, предметом изучения которой является феномен политического времени.

Историческое время, являясь свойством истории, выражает прошлое как процесс изменения, преобразования и развития человечества, отдельных государств, позволяет осуществить хронологию и периодизацию исторического процесса. Историческое время в правовом контексте отображает путь эволюции права.

Одной из концепций времени, тесно соприкасающейся с областью права, является категория социального времени, представляющего собой последовательность и длительность вызванных деятельностью людей событий.

Существующие различные системы обозначения времени обусловлены потребностью в социальной координации и синхронизации действий лиц, образующих группы. Так, еще в Древней Греции использование клепсидры (водяных часов) было связано, в частности, с возникшей необходимостью точно отмерять продолжительность выступлений в суде. Известны случаи определения коротких временных отрезков средствами, взятыми из повседневных дел, например: на Мадагаскаре «варка риса» часто значит «полчаса», «жарка саранчи» — момент, а у обитателей острова Ява «время жевания табака» соответствовало 5 минутам⁵. В истории имеются примеры суще-

ствования пятидневной, шестидневной и десятидневной недель, в зависимости от уровня развития общества (чем выше уровень, тем короче неделя).

Если астрономическое время однообразное, однородное, чисто количественное, лишённое качественных свойств, то время социальное, помимо количественных, имеет и качественные характеристики: есть выходные дни, религиозные дни и т.д.⁶. Ярким примером «окраски» астрономического времени социальными соображениями могут служить «летнее время» и «зимнее время». Соответственно, социальная длительность, являющаяся символической, не равна длительности астрономической, она — эмпирическая.

Многоаспектность права показывает, что различные формы времени, описанные выше, проявляются на разных уровнях правовой системы. Правовая жизнь в результате действия права пронизана разнообразными темпоральными категориями, посредством которых время измеряется значимыми юридическими событиями и создает ритм и темп правовой реальности. Концепт времени универсален и играет существенную роль в любой области правового регулирования.

Изначально доктринальное исследование проблем взаимодействия времени и права осуществлялось как в общетеоретическом, так и в отраслевом плане в ракурсе действия закона во времени, акцентируя внимание на анализе обратной силы закона, при этом вопрос рассматривался параллельно с пространственным действием правовых норм. Впоследствии в общей юриспруденции темпорально-правовые явления стали изучаться через призму особенностей, признаков и свойств времени в праве, проявление в правовой системе различных форм времени, правовое регулирование исчисления времени, правовую управляемость временем. Отдельные отраслевые правовые исследования как частного и публичного права, так и материального и процессуального права посвящены проблематике конструкций «срок» и «давность».

Спектр вопросов, входящих в сферу темпорального действия права, позволяет

⁴ Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984.

⁵ Колесникова С.Ю. Особенности счета времени в дописьменных обществах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 9 (99). С. 173–176.

⁶ Sorokin, P.A., Merton, R. Social Time: A Methodological and Functional Analysis // *American Journal of Sociology*. 1937. Vol. 42. № 5. P. 615–629. URL: https://www.jstor.org/stable/2767758?readnow=1&seq=12#metadata_info_tab_contents (дата обращения: 07.02.2020).

выделить внешнюю и внутреннюю формы проявления правовой темпоральности. Во внешней форме (либо, иначе говоря, на макроуровне) темпоральность проявляется в виде установления правил действия нормативных правовых актов во времени. Во внутренней форме (микроуровень) правовая темпоральность является инструментарием формирования правоотношений и фиксации юридических фактов посредством временных показателей.

Полагаем, что для времени в правовой системе наиболее характерны следующие свойства:

1) *способность упорядочивать правовую действительность* — направлена на внесение в правовую жизнь организованности, устойчивости, внутренней согласованности, структурирование правовых событий во избежание хаоса в правовом мире;

2) *последовательность* — отражается через ряд правовых событий, юридических фактов, а иногда и юридический состав, формирующие правовую реальность. Наиболее ярко временная последовательность проявляется в таком виде нормативного правового акта, как административный регламент;

3) *длительность (дление)* — определяет продолжительность существования правовых событий, правоотношений во времени, характеризует в целом правовой процесс. Длительность характеризуется протяженностью и непрерывностью;

4) *момент времени (мгновение)* — разделяет длительность как общую продолжительность на мерные единицы, структурные элементы (например, секунда, минута, час), связывая правовые процессы с определенными сроками. Наименьшей единицей длениа является мгновение или момент времени. Момент (времени) — фиксирует начало и окончание взаимодействия субъектов права;

5) *интенсивность (или темп) и ритмичность* — определяют скорость протекания правовых процессов и направлены на создание ритма организации правовой системы посредством установления определенной последовательности смены стадий развития правоотношений;

6) *необратимость* — заключается в однонаправленности движения времени и правовой действительности: от прошлого к настоящему, от настоящего к будущему, и данная последовательность не изменяется;

7) *невозможность изменения прошлых событий, но возможность изменения правовой оценки юридических фактов прошлого.*

Время и право взаимосвязаны и тесно переплетены между собой. Проявление временем имманентных свойств в правовой среде обеспечивается различными способами. На общетеоретическом уровне полагаем необходимым выделить следующие способы воздействия темпоральных категорий на сферу правового регулирования:

— *датирование* — это фиксация в праве календарного времени и его метрических единиц. Посредством датирования правовые явления, события, действия закрепляются и отражаются на шкале календарного времени в целях фиксации юридически значимых последствий, при этом впоследствии темпоральной частью юридического факта становятся соответствующие календарные даты;

— *установление временных пределов (длительность)* — означает определение продолжительности существования во времени правоотношений, событий, явлений, ограниченной моментом начала и завершения; при этом временные границы могут быть определены как календарными датами, так и во взаимосвязи с моментом наступления конкретного юридического факта; по истечении установленного временного периода наступают определенные изменения в юридических правах и обязанностях субъектов права;

— *повторяемость* — выражается в темпоральной систематичности, регулярности, цикличности юридических состояний (например, еженедельно, ежегодно);

— *последовательность* — это расположенность сменяющих друг друга во времени правовых отношений, состояний; в объективной временной последовательности предшествующие и последующие юридические действия, события темпорально связаны между собой;

— *своевременность* — это оценочная темпорально-юридическая категория, отражающая достаточность скорости и темпа при осуществлении правовых процессов; не предусматривает установление точной календарной продолжительности. В настоящее время сущность своевременности раскрывается в понятии «разумный срок».

Несмотря на то что вопросы времени в праве исследуются давно, такое понятие, как «правовое время», введено в научный

оборот достаточно недавно. Так, подход к исследованию форм проявления времени в правовой системе изначально предложен Г.И. Петровым⁷, а несколько позднее в юридической литературе впервые применены категории «правовое время» (время правовой системы), «темпоральные ритмы государства и права»⁸. П.М. Рабинович отмечал, что «право регулирует не время как таковое, а временные (темпоральные) параметры деятельности: ее длительность, скорость и т.д., выступая одним из средств освоения времени»⁹.

Одно из первых определений категории «правовое время» дано Т.Л. Тениловой¹⁰, под которой понимается особая функциональная категория юридической науки, выражающая возникновение, длительность и завершение правовых действий, процессов, норм, событий и последовательность смены их состояний.

Правовое время в качестве особой функциональной категории юридической науки рассматривают многие авторы. При этом, по мнению И.В. Волк¹¹, данная категория отражает процесс непрерывных изменений юридической жизни, в ходе которого возникают новые и исчезают ранее существовавшие правоотношения, юридические нормы и правовые акты, влияющие на становление и развитие юридической науки и практики. По утверждению М.В. Андреевой¹², названная категория выражает возникновение, длительность и завершение правовых предписаний и отношений, последовательность смены их состояний и обязательность их соблюдения всеми субъектами права. Э.М. Васекина¹³ полагает, что правовое время выражает

начало, длительность и окончание какого-либо правового действия, процесса, нормы, состояния, события; при помощи этого времени регулируются правоотношения — специфические формы социального взаимодействия.

Ю.А. Кондрашов¹⁴ предлагает определение правового времени как особой формы существования правовых явлений и процессов и выражает начало, длительность и окончание какого-либо правового воздействия, процесса, нормы, состояния, события. В узком смысле термин «правовое время» представляет собой особую функциональную категорию, выражающую юридически обоснованные параметры возникновения, продолжительности и завершения правовых состояний и отношений.

Таким образом, в основу приведенных правовых позиций положены темпоральные фазы развития правовых процессов.

Иной подход к пониманию правового времени предложен О.В. Игнатъевой, которая рассматривает правовое время через совокупность его параметров: прошлое, настоящее и будущее. Так, «правовое время — это прежде всего память. Оно закрепляет то, что было в прошлом», «второй, и центральный, параметр правового времени — это настоящее. Момент времени — мгновение, отражающее начало (или окончание) взаимодействия правовых субъектов, состояний, событий в правовом пространстве», «третий параметр правового времени — это будущее. Право действительно в состоянии выстроить будущее при помощи накопленного опыта и самого содержания права. Задачей многих отраслей права является именно регулирование отношений в будущем»¹⁵.

Признавая правовое время специфическим, А.В. Стомба¹⁶ делает вывод о том, что правовым временем оказывается время «между» правовым деянием и его правовыми последствиями; деяние представляет собой своеобразное «прошлое», последствия — «будущее», а сам временной промежуток — «настоящее» правового времени.

⁷ Петров Г.И. Фактор времени в советском праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1982. № 6. С. 46–52.

⁸ Батурин Ю.М., Лившиц Р.З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. М.: Наука, 1989.

⁹ Рабинович П.М. Время в правовом регулировании (философско-юридические аспекты) // Правоведение. 1990. № 3. С. 19–27.

¹⁰ Тенилова Т.Л. Время в праве. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001.

¹¹ Волк И.В. Понятие и особенности времени в теории права // Министерство юстиции России: история и современность. М.: РПА Минюста России, 2003. С. 50–54.

¹² Андреева М.В. Действие налогового законодательства во времени. М.: Статут, 2006.

¹³ Васекина Э.М. Правовое время: понятийный строй проблемы // Проблемы правоведения. 2005. № 3. С. 27–30.

¹⁴ Кондрашов Ю.А. Юридические сроки как одно из свойств правового времени // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 3 (79). С. 22–24.

¹⁵ Игнатъева О.В. Закон и правовое время // История государства и права. 2009. № 18. С. 42–44.

¹⁶ Стомба А.В. Что есть право? // Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 178–186.

Рассмотрение правового времени через призму состояний времени, а именно выделяя прошедшее и будущее правовое время, предлагает и И.В. Волк¹⁷, понимая под прошедшим правовым временем отражение в правовом сознании субъектов правоотношений «цепочки» объективно существовавших и менявшихся друг друга событий и состояний юридической жизни, которые в реальной действительности уже не действуют, но их информационные образы либо сохранились в памяти, либо формируются в правосознании благодаря информации, полученной об этих правовых явлениях; будущее правовое время — это существующие в правосознании образы тех еще не наступивших правоотношений, которые, сменяя друг друга, могут (или должны) реализовываться в будущем как явления настоящего правового времени.

Говоря о правовом времени, Ю.Е. Аврутин и Е.В. Дружкова обращают внимание, что оно не является разновидностью физического времени в его метрической фиксации, а представляет собой особую темпоральную характеристику правовой реальности, отражающую субстанциональные свойства права как совокупности юридически значимых общеобязательных правил поведения физических и юридических лиц и правореализации как социально-юридической деятельности по претворению правовых предписаний в жизнь. Авторы отмечают, что в интересах правового регулирования объективизация концепта «время» связана с «расшифровкой» его имплицитного смысла эксплицитным языком закона, в котором физическое время приобретает свои юридически значимые свойства посредством формально-юридического закрепления в тексте нормативного правового акта определенных понятий, отражающих темпоральную сторону правовой реальности, то есть ее протяженность во времени и пространстве. Продолжая рассуждения, авторы, исходя из правовой формы опосредования времени в правовом регулировании, предлагают дифференциацию правового времени на материальное и процессуальное. Материальное правовое время, будучи закрепленным в материальных нормах, отражает действие права во

времени, позволяя установить, во-первых, порядок вступления нормы в силу, во-вторых, период действия правовой нормы, в-третьих, условия применения нормы к конкретному общественному отношению. Процессуальное правовое время, будучи закрепленным в процессуальных нормах, отражает процесс реализации права во времени, позволяя закрепить продолжительность действий субъектов права, необходимую для выполнения правовых предписаний¹⁸.

Заслуживает внимания предложенное Е.Ю. Догадайло¹⁹ определение, согласно которому время выступает как «система координат» и одновременно «мерило» (метрические свойства эталона времени), в сопоставлении с которыми правовая реальность оценивается и репрезентируется, а юридические факты, юридические события и юридически значимые действия фиксируются, классифицируются и оцениваются путем применения формально определенных (календарных или установленных относительных) показателей либо фиксируются, классифицируются и оцениваются как темпорально объективированные, происшедшие, истекшие, начавшиеся, окончившиеся, завершенные, длящиеся (продолжающиеся), будущие, прошлые (в том числе прошлые длившиеся и прошлые длящиеся по сей момент) или настоящие, абсолютные или относительные, быстрые или медленные, обратимые или необратимые, отражаемые характеристиками «своевременно», «незамедлительно»; фактически без темпоральной обусловленности не существует возможности объективации юридических фактов и юридических событий.

Учеными-правоведами в своем большинстве презюмируется существование правового времени, и в своих исследованиях основное внимание они уделяют раскрытию понятия и содержания правового времени, подходы к чему, безусловно, различны. Вместе с тем, по мнению Е.Ю. Догадайло, не имеется ни фило-софско-логических, ни методологических оснований выделять правовое время в

¹⁷ Волк И.В. Понятие и особенности времени в теории права // Министерство юстиции России: история и современность. М. : РПА Минюста России, 2003. С. 50–54.

¹⁸ Аврутин Ю.Е., Дружкова Е.В. Процессуальные сроки в правовом регулировании производства по делам об административных правонарушениях. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2017.

¹⁹ Догадайло Е.Ю. Время и право. М. : Орбита-М, 2013.

качестве самостоятельной формы права, она считает более правильным вместо правового времени говорить о социальном времени в правовой системе²⁰.

Полагаем, что действительно основания для признания категории «правовое время» именно в виде самостоятельной правовой формы в общетеоретическом смысле отсутствуют. Однако, на наш взгляд, это не исключает существования и обоснованности использования в юриспруденции как на теоретическом, так и практическом уровне термина «правовое время» как темпоральной составляющей правового регулирования.

Существование в различных областях научного познания помимо физического и иных видов (форм) времени обусловлено их определенной соответствующей спецификой, хотя в основе каждого из перечисленных форм времени лежит время физическое (астрономическое) со свойственными ему величинами изменения. Учитывая, что время в правовой системе основано на традиционном времяисчислении, но при этом обладает содержанием, свойствами и функциями, отличными от присущих физическому времени, что наиболее ярко проявляется в правовой управляемости временем, то, полагая, категория «правовое время» имеет право на существование наравне с иными видами времени.

Многогранность концепта «правовое время» требует интегративного подхода к его пониманию, в связи с чем нами формулируются следующие выводы:

— правовое время отражает темпоральные пределы действия права и его реализации;

— правовое время способно упорядочивать правовую действительность посредством воздействия темпоральных юридических средств (датирование, длительность, интенсивность, повторяемость, последовательность и др.) на время протекания правовых процессов;

— правовое время — это средство правового регулирования, способствующее темпоральному выражению юридических фактов в правовой реальности при помощи календарных и оценочно-временных показателей, а также обеспечивающее воз-

никновение темпоральных связей между юридическими фактами и в правовой системе в целом;

— правовое время отражает нормативно закрепленные юридически значимые свойства физического времени, конкретизирующиеся в правовой системе посредством инструментальной и условно измеряемой формы времени;

— движение правового времени осуществляется через формально определенные моменты времени, смену правовых состояний субъекта права и образование последовательности сменяющих друг друга правовых состояний;

— правовое время по отношению к происходящим правовым процессам не является внешней формой, а проистекает из существа правовых процессов, проявляя типичные темпоральные свойства (интенсивность, скорость, повторяемость, последовательность и др.);

— в отличие от физического времени, которое неуправляемо, для правового времени характерна управляемость правовыми процессами (ускорение процедуры, приостановление, восстановление пропущенного срока);

— правовое время направлено на ценностно-временное измерение правовой реальности;

— уровень и состояние категории «правовое время» служат основными критериями оценки организации, регулирования, законности, эффективности, справедливости правовой жизни, а также являются средством их достижения.

На основании изложенного приходим к выводу о том, что правовое время — это средство правового регулирования, направленное на упорядочивание правовой действительности путем воздействия темпоральных юридических средств на время протекания правовых процессов и способствующее темпоральному выражению юридических фактов в правовой реальности при помощи календарных и оценочно-временных показателей, которые являются результатом нормативного закрепления юридически значимых свойств физического времени, а также осуществляющее движение через формально определенные моменты времени, смену правовых состояний субъекта права и образование последовательности сменяющих друг друга правовых состояний.

²⁰ Догадайло Е.Ю. Методология анализа форм проявления социального времени в правовой системе // Социология власти. 2007. № 3. С. 5–16.

Разрешение судами Российской Федерации семейных дел с иностранным участием: теоретические и практические аспекты

Беспалов Юрий Федорович,

профессор кафедры гражданского права
Тверского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
председатель Владимирского областного суда в отставке
nksmsg@mail.ru

В статье исследуются некоторые проблемы, связанные с разрешением судами Российской Федерации семейных дел с иностранным участием. На основе анализа судебной практики автор пришел к выводу о неосведомленности российских граждан о законодательстве государств, с которыми Российская Федерация заключила двусторонние договоры, которая нередко создает трудности в разрешении спора, а следовательно, отрицательно влияет на эффективность судебной защиты прав граждан Российской Федерации. В статье предлагается комплекс мероприятий по устранению выявленных проблем, в частности: размещение официальной информации о законодательстве других государств на русском языке на сайте Минюста РФ или специализированном портале; и другое.

Ключевые слова: иностранное участие, семейные отношения, международные нормы и договоры, информация о законодательстве.

Solution of Family Cases Involving Foreign Citizens by Courts of the Russian Federation: Theoretical and Practical Aspects

Bespalov Yuriy F.

Professor of the Department of Civil Law of the Tver State University
Presiding Judge Emeritus of the Vladimir Regional Court
LL.D., Professor

The article explores some of the problems associated with the resolution by courts of the Russian Federation of family affairs with foreign participation. Based on the analysis of judicial practice, the author came to the conclusion that Russian citizens are not aware of the legislation of the states with which the Russian Federation has concluded bilateral agreements, which often creates difficulties in resolving a dispute, and therefore negatively affects the effectiveness of judicial protection of the rights of Russian citizens. The article proposes a set of measures to eliminate the identified problems, and in particular: posting official information on the legislation of other states in Russian on the website of the Ministry of Justice of the Russian Federation or a specialized portal; other.

Keywords: foreign participation, family relations, international norms and treaties, information on legislation.

Актуальными, имеющими как практическое, так и теоретическое значение, являются вопросы, связанные с применением материального и процессуального права при рассмотрении и разрешении семейных дел с иностранным участием.

В научной и практической литературе данные вопросы не получили всестороннего исследования по различным причинам. Вместе с тем некоторые аспекты проблемы исследованы и представлены в отдельных трудах¹.

¹ Егорова О.А., Беспалов Ю.Ф. Нормы международного права в судебной практике: научно-практическое издание (отв. ред. д.ю.н., проф.

Наличие иностранного участия в гражданском судопроизводстве, как

Ю.Ф. Беспалов). М.: Проспект, 2016. С. 240; Гордеюк Е.В. Брачные отношения с иностранным элементом // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12; Аверина К.Н. Особенности правового регулирования брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом // Международное право и международные организации. 2012. № 4. С. 67–76; Шурова И.С. Правовое регулирование брака и развода с участием иностранных граждан // Общество и право. 2010. № 4; Беспалов Ю.Ф., Гордеюк Д.В., Егорова О.А. Комментарий к Семейному кодексу РФ: постатейный, научно-практический. М.: Проспект, 2014. С. 552; и др.

правило, определяется субъектом прав, объектом прав и/или юридическим фактом. Субъектом прав в таких ситуациях может быть иностранное лицо или лицо без гражданства как участник судопроизводства. Объектом прав — благо, по поводу которого возник спор, например нахождение имущества, предложенного к разделу супругом (бывшим супругом) на территории другого государства, в том числе недвижимости. Юридическим фактом — действие, событие, состояние, сроки, имевшие место на территории другого государства. Например, брак заключен в Испании, алименты взысканы во Франции, ребенок родился в Германии, отцовство установлено в Японии и т.д. В такой ситуации важно определиться с законодательством государства, представляющего иностранный элемент в любой из названных форм.

Законодательство Российской Федерации (РФ), в том числе Семейный кодекс РФ (СК РФ), Гражданский кодекс РФ (ГК РФ), Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ), двусторонние договоры РФ, конвенции ООН, конвенции Совета Европы, конвенции стран СНГ регламентируют далеко не все виды семейных отношений с иностранным участием, а также содержат некорректные положения. Все это осложняет правоприменительную деятельность судов и неблагоприятно сказывается на эффективности судебной защиты участников процесса, в том числе россиян.

Разрешая семейный спор с иностранным участием, судья должен установить: 1) наличие иностранного участия; 2) существо спора, иного специального конфликта и его правовую природу; 3) полномочия российского суда; 4) наличие (отсутствие) двустороннего договора РФ с государством, представляющим иностранное участие в деле (субъект, объект, юридический факт); 5) наличие (отсутствие) международной, европейской конвенции, конвенции СНГ, в которых участвуют РФ и государство, представляющее иностранное участие в деле; 6) законодательство государства, принимающего иностранное участие в деле в официальном переводе на русский язык, и содержание норм иностранного права; 7) наличие (отсутствие) приоритета норм иностранного права; 8) соблюдение требований, предусмотренных Конвен-

цией по вопросам гражданского процесса (Гаага, 1 марта 1954 г.) и Конвенцией, отменяющей требования о легализации иностранных официальных документов (Гаага, 5 октября 1961 г.); 9) иные обстоятельства, в зависимости от спорной ситуации.

Анализ судебной практики позволяет заключить, что семейным отношениям с иностранным участием в современный период характерна неосведомленность россиян-супругов, россиян-родителей, россиян — участников семейных отношений в ином статусе о законодательстве государств, с гражданами которого они установили семейные отношения. Такое положение нередко влечет социальные конфликты. Незнание законодательства других государств, регламентирующего семейные отношения, способствует нарушению прав россиян в другом государстве, осложняет осуществление, охрану и защиту их прав, то есть увеличивает риски, связанные с посягательствами на семейные права в другом государстве.

РФ ищет различные формы взаимного сотрудничества с другими государствами с целью обеспечения правовой защищенности своих граждан — участников индивидуальных семейных отношений и стабильности таких отношений. РФ, например, заключила несколько двусторонних договоров с другими государствами по вопросам, связанным и с семейными отношениями². РФ участвует в некоторых конвенциях ООН и Совета Европы, стран СНГ по семейным делам³.

² Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (г. Минск) (Кишинев, 7 октября 2002 г.); Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 декабря 1992 г.; Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам от 23 сентября 1997 г.; и некоторые другие. URL: <https://minjust.ru/ru>

³ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI; Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (Гаага, 25 октября 1980 г.) // СЗ РФ. 2011. № 51; Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве

Однако их явно недостаточно. Россияне вступают в отношения с гражданами и других государств, с которыми двусторонние договоры не заключены, а число заключенных РФ договоров и конвенций, к которым присоединилась страна, не отвечает потребностям россиян в правовой осведомленности и помощи.

Исследуемая проблема напрямую связана с конституционной обязанностью РФ признавать, соблюдать и защищать граждан РФ, в том числе оказавшихся в трудной ситуации в отношениях с иностранным элементом⁴.

«Распахнув государственные двери» для выезда россиян и для въезда иностранцев, РФ не урегулировала многие вопросы сотрудничества и взаимопомощи⁵.

Общаясь с иностранцами, россияне нередко вступают с ними в семейные отношения. Любовь не знает ни территорий, ни государственных границ, ни запретов по национальным признакам и вероисповеданию и т.д.

Заключая двусторонний или многосторонний договор, РФ не предоставила россиянам для свободного доступа законодательство данных государств в официальном переводе на русский язык. Содержание двусторонних договоров, как правило, усеченное и отсылает к законодательству стран, участвующих в нем. Оказавшись в беде, россияне ищут за-

щиты в судах РФ, а у судов, к сожалению, также имеются трудности относительно доступа к законодательству иностранных государств, официально не представленному в РФ. Статья 166 СК РФ, предусматривая некоторые пути выхода из такой ситуации, в данном случае не разрешает в целом проблему.

Помогая россиянам, суды нередко бьют по хвостам, поправляя последствия зла. Информация о законодательстве другого государства должна быть доступной, такое положение будет способствовать искоренению или недопущению причин зла. Не потребуется для перевода на русский язык и опубликования иностранного законодательства и больших материальных затрат.

Как свидетельствует судебная практика, у судов РФ возникает множество трудностей при рассмотрении таких дел: 1) в судебных актах нередко отсутствуют ссылки на законодательство иностранного государства⁶; 2) имеющиеся некоторые разъяснения высших судебных инстанций весьма условны в свете правил, предусмотренных гл. 68 ч. 3 ГК РФ и двусторонних договоров РФ. Нередко для устранения неясностей высшие судебные инстанции РФ выходят за рамки полномочий, создавая собственные правила, которые также вызывают неопределенность⁷; 3) российский правоприменитель устанавливает новые понятия, например, место постоянного проживания, место обычного проживания, не разъяснив их соотношение с российскими правилами. Однако новые правила не всегда соответствуют правилам российского правового порядка⁸.

в отношении родительской ответственности и мер по защите детей (Гаага, 19 октября 1996 г.); и др.

⁴ Ведель И.А., Безбородов Ю.С. Международно-правовое сотрудничество государств в сфере защиты прав граждан за рубежом и интеграционные процессы // Международное публичное и частное право. 2014. № 1. С. 25–29; Марышева Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М.: Волтерс Клувер, 2007. 328 с.; и др.

⁵ Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 154; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 2 декабря.

⁶ Комментарий к судебной практике по семейным спорам / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Юрайт, 2010. С. 216.

⁷ СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Беспалов Ю.Ф. Семейные правила судов РФ как эрзац-способ преодоления пробелов в правоприменении // Вестник Тверского государственного университета. 2020. № 1; Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс»; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

Для установления нормальных семейных связей россиян с гражданами других государств следует создать условия: 1) для свободного доступа к источникам правового регулирования семейных отношений в конкретном иностранном государстве, в том числе обычаям, традициям и семейным ценностям; 2) для свободы выбора своего поведения и создания семейных отношений с иностранцами (лицами без гражданства); 3) возможности оперативного и эффективного осуществления охраны и защиты семейных прав в отношениях с иностранным присутствием.

Изложенное позволяет заключить следующее:

1) гражданам РФ и правоприменителям РФ необходимо предоставить возможность свободного доступа к официальной информации о законодательстве других государств на русском языке, с которыми РФ состоит в договорных отношениях, путем размещения данного законодательства на сайте Минюста РФ или специализированном портале; а также к информации о законодательстве других государств, с которыми РФ

не состоит в соглашениях (возможно без перевода);

2) в РФ следовало бы создать адвокатские образования, адвокаты которых бесплатно будут оказывать помощь россиянам, попавшим в «беду» в другом государстве, и в первую очередь обладающим правом на бесплатную юридическую помощь в РФ;

3) в каждом областном и равном ему суде следовало бы установить должность специалиста по законодательству иностранных государств;

4) в каждом суде субъекта РФ необходимо предусмотреть перечень специалистов-переводчиков по всем языкам мира, которые реально должны действовать;

5) программу повышения квалификации судей РФ необходимо дополнить занятиями по изучению иностранного законодательства, в том числе семейного.

Такие правила, несомненно, будут способствовать действию нормальных семейных отношений между гражданами РФ и иностранцами, а в случае конфликта — эффективному разрешению и судебной защите прав участников конфликта, в том числе граждан РФ.

Литература

1. Аверина К.Н. Особенности правового регулирования брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом / К.Н. Аверина // Международное право и международные организации. 2012. № 4. С. 67–76.
2. Беспалов Ю.Ф. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации : постатейный : научно-практический / Ю.Ф. Беспалов, Д.В. Гордеюк, О.А. Егорова ; ответственный редактор О.А. Егорова. Москва : Проспект, 2014. 547 с.
3. Беспалов Ю.Ф. Комментарий к судебной практике по семейным спорам / ответственный редактор Ю.Ф. Беспалов. Москва : Юрайт, 2010. 399 с.
4. Беспалов Ю.Ф. Семейные правила судов РФ как эрзац-способ преодоления пробелов в правоприменении / Ю.Ф. Беспалов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 1.
5. Ведель И.А. Международно-правовое сотрудничество государств в сфере защиты прав граждан за рубежом и интеграционные процессы / И.А. Ведель, Ю.С. Безбородов // Международное публичное и частное право. 2014. № 1. С. 25–29.
6. Гордеюк Е.В. Брачные правоотношения с иностранным элементом / Е.В. Гордеюк // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 67–71.
7. Егорова О.А. Нормы международного права в судебной практике: научно-практическое издание / ответственный редактор Ю.Ф. Беспалов. Москва : Проспект, 2016. 237 с.
8. Марышева Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России / Н.И. Марышева. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 328 с.
9. Щурова И.С. Правовое регулирование брака и развода с участием иностранных граждан / И.С. Щурова // Общество и право. 2010. № 4 (31). С. 99–106.

Процессуальные сроки рассмотрения жалобы на отказ в передаче кассационной жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании

Синицын Сергей Андреевич,

ведущий научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
civil@izak.ru

Долова Мария Олеговна,

старший научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук
dolovamaria@mail.ru

В результате процессуальной реформы, инициатором которой в 2017 году выступил Верховный Суд Российской Федерации, в законодательстве нашли отражение отдельные подходы, выработанные правоприменительной практикой и процессуальной доктриной. К одной из таких новелл относятся синхронные изменения части 3 статьи 390.7 Гражданского процессуального кодекса РФ, части 8 статьи 291.6 Арбитражного процессуального кодекса РФ, части 4 статьи 323 Кодекса административного судопроизводства РФ, которыми определено право председателя Верховного Суда Российской Федерации, его заместителя не согласиться с определением судьи Верховного Суда Российской Федерации об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании, отменить такое определение и передать жалобу или представление для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. В связи с конкретизацией процессуальных сроков реализации указанного правомочия в статье проводится анализ новелл в части срока на выражение позиции должностных лиц Верховного Суда Российской Федерации в отношении определения судьи, вынесенного им единолично.

Ключевые слова: кассация, дискреционные полномочия должностных лиц Верховного Суда Российской Федерации, процессуальные сроки, гражданский процесс, арбитражный процесс, административное судопроизводство.

Procedural Time Limits for Review of a Complaint about a Refusal to Transfer of a Cassation Appeal, Petition for Consideration in a Court Hearing

Sinitsyn Sergey A.

Leading Research Scientist of the Department of Civil Law and Procedure
of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
LL.D., Professor

Dolova Maria O.

Senior Research Scientist of the Department of Civil Law and Procedure
of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
PhD (Law)

As a result of the procedural reform initiated by the Supreme Court of the Russian Federation in 2017, certain approaches developed by judicial practice and procedural doctrine are taken into account in the legislation. Some changes were made in part 3 of article 390.7 Code of civil procedure of the Russian Federation, part 8 of article 291.6 Code of commercial procedure of the Russian Federation, part 4 of article 323 of Code of administrative procedure, which concerns the right of the Head of the Supreme Court of the Russian Federation, his Deputy to disagree with the decision of judge of the Supreme Court of the Russian Federation, representation for consideration in judicial session, cancel such a decision and submit the complaint for consideration at the court session of the court of cassation instance. The article devotes the new rules for determining the period of response to the complaint of officials of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: cassation, discretionary powers of officials of the Supreme Court of the Russian Federation, procedural terms, civil procedure, arbitration process, administrative proceedings.

В юридической литературе принято делить кассацию на два вида: *опосредованную*, предполагающую предварительное рассмотрение кассационной жалобы¹ в целях выявления оснований для отмены обжалуемого судебного акта для выяснения вопроса, заслуживает ли дело третьего судебного рассмотрения, а также *непосредственную* кассацию, согласно которой после принятия жалобы сразу следует ее рассмотрение в судебном заседании суда кассационной инстанции².

В настоящее время в Российской Федерации реализованы обе модели кассационного производства: первая кассация является непосредственной, а вторая, осуществляемая в судебных коллегиях Верховного Суда Российской Федерации, — опосредованной. Судья Верховного Суда Российской Федерации изучает кассационную жалобу по материалам, приложенным к ним, или по материалам истребованного дела, по результатам чего выносит одно из следующих определений:

1) об отказе в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации;

2) о передаче жалобы вместе с делом для рассмотрения в судебном заседании судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации.

Отказ в передаче жалобы происходит в случаях, если изложенные доводы заявителя, во-первых, не подтверждают существенных нарушений норм материального права и (или) норм процессуального права, повлиявших на исход дела, и, во-вторых, не являются достаточным основанием для пересмотра судебных актов в кассационном порядке, а также если указанные доводы не находят подтверждения в материалах дела. Мотивы, по которым отказано в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, должны

быть указаны в соответствующем определении. Требования мотивированности указанных определений совершенно обоснованно сохранены в процессуальном законодательстве³, несмотря на предлагаемые Верховным Судом Российской Федерации законодательные изменения в части предоставления судье дискреционного права не излагать мотивы, по которым отказано в передаче жалобы⁴.

С учетом того что определение об отказе в передаче кассационной жалобы для ее рассмотрения по существу не может быть обжаловано⁵, но препятствует дальнейшему движению дела, процессуальным законодательством предусмотрено дополнительное средство устранения судебных ошибок и защиты нарушенных прав и законных интересов в виде возможности заинтересованного лица обратиться к председателю Верховного Суда Российской Федерации, его заместителю с просьбой не согласиться с определением судьи и вынести определение о его отмене и совершении этого процессуального действия.

³ При обсуждении предлагаемых новелл профессор В.В. Ярков справедливо указывал, что если исходить из незначительного числа подаваемых кассационных и надзорных жалоб в соотношении с общим числом дел в судах, то такая новелла представляется в значительной степени спорной. Абова Т., Ярков В., Брайт Б., Головкин Л., Кудрявцева Е., Юдин А., Прокудина Л., Иванов М., Пацация М., Сарбаш С., Тай Ю. Оптимизация гражданского судопроизводства: новый виток? // Закон. 2017. № 10. С. 20–35.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 октября 2017 г. № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации”».

⁵ В литературе высказывается точка зрения, что такое определение как препятствующее дальнейшему движению дела может быть обжаловано в общем порядке в срок, установленный для обжалования определений. См.: Пацация М.Ш. О темпоральном аспекте применения ч. 8 ст. 291.6 АПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 12–38.

¹ Здесь и далее также имеются в виду представления прокурора.

² Борисова Е.А. Кассация по гражданским делам. М., 2020. С. 73; Она же. Новая кассация по гражданским делам: вопросы теории, истории, практики // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 23.

По существу, рассматриваемым положением устанавливаются экстраординарные проверочные полномочия председателя Верховного Суда Российской Федерации и его заместителей по исправлению возможной ошибки, допущенной единолично судьей Верховного Суда Российской Федерации при вынесении определения об отказе в передаче кассационной жалобы. Такая оценка указанного дискреционного полномочия дана Европейским судом по правам человека, который констатировал, что обращение к должностным лицам суда не является средством правовой защиты, которое подлежит исчерпанию для целей ст. 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁶. Вместе с тем сами по себе дискреционные полномочия должностных лиц не всегда следует рассматривать в качестве негативного явления⁷, а скорее как необходимой меры в условиях, когда дальнейшее обжалование невозможно.

Регламентация рассматриваемого правомочия не остается стабильной, а время от времени изменяется и уточняется в ногу с позициями Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации, а также с эволюцией доктринальных воззрений в области проверочных производств.

В настоящее время в связи с принятием Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ и реформой кассационного производства нормы процессуальных кодексов, закрепляющие указанную возможность, претерпели изменения в части установления временных рамок возможности возобновления кассационного производства должностными лицами Верховного Суда Российской Федерации.

Так, в соответствии с действующим регулированием председатель Верхов-

ного Суда Российской Федерации, его заместитель вправе не согласиться с определением судьи Верховного Суда Российской Федерации об отказе в передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании и до истечения срока подачи кассационной жалобы на обжалуемый судебный акт вынести определение об отмене данного определения и передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Время рассмотрения этих жалобы, представления в Верховном Суде Российской Федерации при исчислении указанного срока не учитывается.

Реализация указанного правомочия обусловлена соблюдением, во-первых, срока на обращение заинтересованного лица с просьбой к должностным лицам Верховного Суда Российской Федерации, во-вторых, срока для выражения ими позиции относительно определения судьи об отказе в передаче жалобы.

1. Срок кассационного обжалования судебных актов в судебную коллегия Верховного Суда Российской Федерации и срок, в течение которого заинтересованное лицо может обратиться к председателю Верховного Суда Российской Федерации, его заместителю с просьбой не согласиться с определением судьи об отказе в передаче жалобы, является единым. Обращение к председателю Верховного Суда Российской Федерации, его заместителю в указанном порядке не может иметь места за пределами срока кассационного обжалования, за исключением случаев восстановления срока на кассационное обжалование, пропущенного по уважительной причине⁸. То есть заинтересованное лицо может обратиться к председателю Верховного Суда Российской Федерации, его заместителю до дня истечения срока кассационного обжалования, который в гражданском процессе составляет три месяца со дня вынесения определения кассационным судом общей юрисдикции, рассмотревшим кассационную жалобу по существу (ч. 1 ст. 390.3 Граж-

⁶ Как указал ЕСПЧ в решении «Абрамян против Российской Федерации», средство правовой защиты, которое зависит от дискреционных полномочий должностного лица и не ограничено сроком, не может быть признано эффективным средством правовой защиты.

⁷ Пацания М.Ш. О дискреционных полномочиях должностных лиц Верховного Суда РФ в гражданском и арбитражном процессах // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5. С. 10–61.

⁸ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2015 г. № 5-КГ15-69 и от 21 июня 2016 г. № 59-КГ16-7.

данского процессуального кодекса РФ; далее — ГПК РФ), а в арбитражном процессе — два месяца со дня вступления в силу последнего обжалуемого судебного акта, принятого по данному делу (ч. 1 ст. 291.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ; далее — АПК РФ). Такая позиция подтверждается в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2018 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности части 8 статьи 291.6 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Волгоцеммаш»».

Таким образом, как ранее сложившаяся правоприменительная практика⁹, так и новое регулирование исходят из того, что обращение заинтересованных лиц к председателю Верховного Суда Российской Федерации, его заместителю возможно только в пределах установленного законом срока на кассационное обжалование.

2. Законом также определен срок, в течение которого должностные лица могут выразить несогласие с определением судьи, принятым им единолично, вынести определения об отмене этого определения и о передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании. Указанное процессуальное действие может быть совершено также до истечения срока подачи кассационной жалобы, что направлено на исключение неопределенности в правоотношениях сторон после истечения срока на кассационное обжалование.

Вместе с тем в соответствующих статьях речь идет только об определении об отмене определения судьи Верховного Суда Российской Федерации и о передаче жалобы для рассмотрения по существу в судебном заседании. Предусмотренные указанной нормой пределы осуществления этого права — до истечения срока подачи кассационной жалобы — прямо

и не недвусмысленно распространены только на случаи несогласия должностных лиц Верховного суда с отказным определением, принятым судьей единолично в порядке предварительной проверки доводов жалобы.

Совершение указанных процессуальных действий влечет возобновление проверочного производства и непосредственно влияет на права лиц, участвующих в деле, в отличие от ситуации, при которой председатель Верховного Суда Российской Федерации, его заместитель, выражая согласие с определением судьи Верховного Суда Российской Федерации, отказывают в удовлетворении обращения заинтересованного лица. По своему содержанию соответствующие процессуальные нормы — ч. 3 ст. 390.7 ГПК РФ, ч. 8 ст. 291.6 АПК РФ, ч. 4 ст. 323 Кодекса административного судопроизводства (далее — КАС РФ) — подлежат системному толкованию с нормами о кассационном производстве исключительно при удовлетворении жалобы и выражении несогласия с определением судьи Верховного Суда Российской Федерации, закрепляя сроки реализации указанного права должностных лиц как непосредственно оказывающего влияние на права и обязанности лиц, участвующих в деле, и влекущего осуществление кассационной проверки судебного акта судебной коллегией на предмет наличия существенных нарушений норм материального и (или) процессуального права.

То есть российский законодатель, реализуя гарантированную международным правом возможность установления в национальном законодательстве форм и процедур защиты права, регламентирует действия и полномочия председателя Верховного Суда Российской Федерации, его заместителя при удовлетворении поступившей жалобы, имеющие процессуальные последствия и значение для защиты нарушенных и оспоренных прав в соответствии с российским законодательством, а следовательно, устанавливает пределы применения норм о кассационном производстве только при отмене единолично принятого судьей Верховного Суда Российской Федерации определения об отказе в передаче

⁹ См., например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 2-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2017 г. № 908-О; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2018 г. № 31-П.

жалобы для ее рассмотрения в судебном заседании.

Отказ в удовлетворении такой жалобы не ущемляет и не ограничивает никаких прав участника спора по реализации предусмотренного нормами международного права и признанного российским законодательством права на доступ к правосудию. Само по себе изучение жалобы председателем Верховного Суда Российской Федерации или его заместителем в условиях отсутствия надлежащей правовой регламентации фактически проходит за рамками процессуальной формы¹⁰. Процедуры и порядок принятия, изготовления и направления ответа председателя Верховного Суда Российской Федерации, его заместителей об отказе в удовлетворении поступившей жалобы не регламентируются нормами и принципами процесса, поскольку его содержание не приводит к установлению, изменению, прекращению либо ограничению никаких процессуальных и материальных прав, не влияя на правоспособность участников спора. Само обращение с такой жалобой не является обязательным, в том числе с точки зрения возможности обращения за защитой в Европейский суд по правам человека, и не может рассматриваться как необходимый этап реализации заинтересованным лицом права на судебную защиту, а отказ в ее удовлетворении не создает никаких препятствий и не является барьером к доступу к правосудию. Российским законодательством не установлено ни формы, ни сроков для выражения согласия председателем Верховного Суда Российской Федерации, его заместителем с определением судьбы об отказе в передаче кассационной жалобы, представления также в связи с тем, что такой отрицательный результат рассмотрения жалобы предполагает неизменность в этом случае уже приобретенных прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, и их статуса.

Отсутствие в российском процессуальном законодательстве специальных

правил о порядке и процедурах принятия отказного решения по жалобе на определение судьи Верховного Суда Российской Федерации не может рассматриваться как нарушение основополагающего принципа правовой определенности и верховенства права в смысле, определенном Конституционным Судом Российской Федерации и Европейским судом по правам человека.

Так, правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации нарушение принципа правовой определенности определяется не абстрактно, а связывается именно с гарантиями и обеспечением эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина (постановление КС РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П), которые никак не нарушаются и не ограничиваются принятием отказного определения по приведенным основаниям. Как отмечено в абз. 2 п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 99 «О процессуальных сроках», «соблюдение процессуальных сроков судом не является самостоятельной целью судопроизводства в арбитражных судах и направлено на обеспечение стабильности и определенности как в спорных материальных правоотношениях, так и в возникших в связи с судебным спором процессуальных правоотношениях, в рамках выполнения задачи по осуществлению справедливого публичного судебного разбирательства в разумный срок независимым и беспристрастным судом».

Практика Европейского суда по правам человека (постановления от 26 апреля 1979 г. по делу «Санди Таймс» (Sunday Times) против Соединенного Королевства (№ 1)» (п. 49), от 31 июля 2000 г. по делу «Йечиус (Jecius) против Литвы» (п. 56), от 28 марта 2000 г. по делу «Барановский (Baranowski) против Польши» (п. 50–52), от 28 октября 2003 г. по делу «Ракевич против Российской Федерации» (п. 31), от 24 мая 2007 г. по делу «Игнатов против Российской Федерации» (п. 74), от 24 мая 2007 г. по делу «Владимир Соловьев против Российской Федерации» (п. 86)) требует для соблюдения принципа правовой определенности установления национальным

¹⁰ Батурина Н.А. Процедура предварительного изучения кассационной жалобы (фильтрация): недостатки правового регулирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 11. С. 42–46.

законом положений о юридических последствиях совершения тех или иных действий при реализации права на защиту заинтересованным лицом, что в полной мере учтено процессуальным законодательством при регламентации порядка реализации права председателя Верховного Суда Российской Федерации, его заместителя не согласиться и отменить определение судьи об отказе в передаче кассационной жалобы, представления в соответствии с ч. 3 ст. 390.7 ГПК РФ, ч. 8 ст. 291.6 АПК РФ, ч. 4 ст. 323 КАС РФ.

Таким образом, обращение заинтересованного лица к председателю Верховного Суда Российской Федерации, его заместителю с просьбой не согласиться с определением судьи об отказе в передаче жалобы, а также срок на удовлет-

ворение такой просьбы входят в общий срок кассационного обжалования, при этом время рассмотрения кассационной жалобы не включается. Специальное законодательное регулирование в отношении подготовки и направления стороне ответов председателя Верховного Суда Российской Федерации, его заместителя по жалобам на отказ в передаче кассационной жалобы, которым соответствующее должностное лицо соглашается с определением судьи Верховного Суда Российской Федерации, не установлено. Такие сроки и порядок определяются внутренними правилами делопроизводства в суде, поскольку не влияют на процессуальные права и обязанности лиц, участвующих в деле, их статус и дальнейшее движение дела по стадиям процесса.

Литература

1. Абова Т. Оптимизация гражданского судопроизводства: новый виток? / Т. Абова [и др.] // Закон. 2017. № 10. С. 20–35.
2. Батурина Н.А. Процедура предварительного изучения кассационной жалобы (фильтрация): недостатки правового регулирования / Н.А. Батурина // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 11. С. 42–46.
3. Борисова Е.А. Кассация по гражданским делам : монография / Е.А. Борисова. Москва : Городец, 2020. 206 с.
4. Борисова Е.А. Новая кассация по гражданским делам: вопросы теории, истории, практики / Е.А. Борисова // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 5. С. 21–41.
5. Пацация М.Ш. О дискреционных полномочиях должностных лиц Верховного Суда РФ в гражданском и арбитражном процессах / М.Ш. Пацация // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5. С. 10–61.
6. Пацация М.Ш. О темпоральном аспекте применения ч. 8 ст. 291.6 АПК РФ / М.Ш. Пацация // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 12–38.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

Субъекты юридической ответственности в цивилистическом процессе

Загидуллин Марат Рашидович,

доцент кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
Zagidullin.mr@yandex.ru

В настоящей статье дается анализ такому элементу юридической ответственности в цивилистическом процессе, как ее субъекты. Отмечается, что все субъекты цивилистического процесса являются субъектами юридической ответственности за совершенные ими процессуальные правонарушения. Обосновывается авторская точка зрения по ряду дискуссионных вопросов. Так, доказывается, что поскольку судья не обладает личной заинтересованностью в исходе дела, то к мерам его процессуальной ответственности с определенной натяжкой можно отнести лишь возврат дела на новое рассмотрение тому же судье или удовлетворение председателем суда заявления об ускорении дела. Остальные негативные процессуальные последствия совершенных им нарушений (отводы, возврат дела на новое рассмотрение другому составу судей, частные определения и др.) нельзя рассматривать как меры процессуальной ответственности. Обосновывается, что в отношении лиц, содействующих правосудию, и иных участников цивилистического процесса также можно говорить об ответственности процессуального характера (отвод, удаление из зала судебного заседания, привод и др.). Отмечается, что меры административного характера в виде штрафов в преобладающем большинстве случаев являются более эффективными при условии адекватности их размеров.

Ключевые слова: субъекты юридической ответственности, процессуальная ответственность, цивилистический процесс.

Legal Liability Subjects in a Civil Procedure

Zagidullin Marat R.

Senior Lecturer of the Department of Environmental, Labor Law
and Civil Procedure of the Law Faculty of the Kazan (Volga Region) Federal University
PhD (Law), Associate Professor

This article analyzes such an element of legal responsibility in the civil procedure as its subjects. It is noted that all subjects of the civil procedure are subjects of legal responsibility for the procedural offenses committed by them. The author's point of view on a number of controversial issues is substantiated. So, it is proved that, because the judge has no personal interest in the outcome of the case, the measures of procedural responsibility with some stretch can be attributed only return the case for retrial to the court or satisfaction of the Chairman of court statements about the acceleration of the case. The other negative procedural consequences of the violations committed by him (recusals, return of the case for new consideration to another composition of judges, private determinations, etc.) cannot be considered as measures of procedural responsibility. It is proved that in relation to persons who promote justice, and other participants in the civil procedure, it is also possible to talk about the responsibility of a procedural nature (recusal, removal from the courtroom, drive, and others). It is noted that administrative measures in the form of fines in the vast majority of cases are more effective if their size is adequate.

Keywords: subjects of legal responsibility, procedural responsibility, the civil procedure.

Говоря о составе субъектов юридической ответственности в цивилистическом процессе, можно уверенно констатировать, что каждый субъект цивилистических процессуальных отношений несет юридическую ответственность за совершаемые им процессуальные правонарушения. Другое дело, что по некоторым субъектам или группам субъектов существуют некоторые сложности и дискуссии относительно воз-

можности применения в их отношении тех или иных видов или мер юридической ответственности за совершенные процессуальные правонарушения. Анализ законодательства, правоприменительной практики и юридической литературы позволяет выделить следующие дискуссионные вопросы.

Во-первых, суд (прежде всего судья, рассматривающий дело), как известно,

является субъектом уголовной и дисциплинарной ответственности. Ответственность административно-правового характера в отношении судьи законодательством не предусмотрена. Дискуссионным является вопрос о квалификации некоторых процессуальных последствий в качестве процессуальной ответственности судьи. Вопрос материальной ответственности судьи также требует некоторого внимания.

Во-вторых, дискуссионной представляется возможность применения процессуальной ответственности к лицам, содействующим правосудию.

В-третьих, в юридической литературе также отмечается, что, ввиду того что в цивилистическом процессуальном законодательстве не раскрыто понятие субъекта юридической ответственности и деликтоспособности, возникают некоторые сложности в определении возможности применения некоторых мер ответственности в отношении несовершеннолетних и иных недееспособных граждан¹.

Проанализируем вышеназванные тезисы.

Надо отметить, что в юридической науке нет однозначной позиции относительно того, можно ли судей считать субъектами процессуальной ответственности². Ряд ученых считают, что судья вообще не может быть ее субъектом, при условии, конечно, что сам вид процессуальной ответственности признается. Другие считают, что судья может нести процессуальную ответственность лишь за некоторые нарушения, такие как неправильное применение норм материального права, нарушение судебной этики, нарушение процессуаль-

ных сроков. Лично нам не совсем понятна именно такая избирательность правонарушений в данной позиции. Кроме того, необходимо отметить, что нам встретилось не так уж много научных работ, посвященных данному вопросу. В связи с этим считаем возможным и необходимым изложить и обосновать собственную точку зрения.

В цивилистическом процессе, как известно, можно выделить следующие процессуальные последствия в отношении судьи за совершенные им нарушения (судебные ошибки):

— отмена или изменение принятых судьей судебных актов (решений, определений и т.п.);

— возвращение судье дела на новое рассмотрение или для устранения нарушения;

— отвод;

— удовлетворение председателем суда заявления об ускорении;

— частные определения.

Рассмотрим их подробнее.

Отмену или изменение вышестоящим судом судебных актов сложно относить к мерам юридической (процессуальной) ответственности. Во-первых, это не влечет прямых негативных последствий для судьи, поскольку судья не несет ответственности за принимаемые им решения (за исключением случаев совершения им преступления). Конечно, нельзя не сказать, что косвенно это влияет негативно на судью, поскольку слишком частые отмены судебных актов могут послужить причиной внимания квалификационной коллегии судей и применения иных мер ответственности. Также отмена судебного акта может причинять определенные моральные страдания, хотя не обязательно для каждого судьи. Но такие косвенные последствия, на наш взгляд, недостаточны для того, чтобы их считать признаком процессуальной ответственности. Во-вторых, целью отмены или изменения судебного акта является не «наказание» судьи, допустившего ошибку, а устранение судебных ошибок, выразившихся в нарушении законности, и правильное разрешение спора. С учетом изложенного, нам представляется более правильной точка зрения, согласно которой сами по себе отмена или изменение судебного акта вышестоящим судом даже в результате допущенного судом нарушения не являются мерой процессуальной ответственности.

¹ Парфирьев Д.Н. Проблемы штрафной гражданско-процессуальной ответственности // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 3. С. 18–23 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Институт юридической ответственности: монография / Д.А. Липинский, В.В. Романова, О.Е. Репетева [и др.] ; под ред. проф. Д.А. Липинского. М.: РИОР, 2018. 230 с. ISBN 978-5-369-00834-8 (РИОР). С. 37–38; Липинский Д.А., Чукова Е.В. Процессуальное правонарушение: понятие и признаки // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 39–61. DOI: 10.24031/2226-0781-2017-7-4-39-61 (www.doi.org) // СПС «КонсультантПлюс»; Клеандров М.И. О правовой природе ответственности судей в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovoy-prirode-otvetstvennosti-sudey-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 16.02.2020).

Немного по-другому обстоит дело, если отмена судебного акта влечет возврат дела тому же судье на новое рассмотрение и/или для устранения допущенных нарушений. В этом случае имеется некоторое негативное последствие для судьи, заключающееся в необходимости совершения дополнительных процессуальных действий и возникновении дополнительной процессуальной (то есть трудовой) нагрузки.

Рассматривая отвод в качестве меры процессуальной ответственности, следует обратить внимание на несколько аспектов. Во-первых, надо понимать, что в большинстве случаев, если заявлен и затем удовлетворен отвод судье, это означает, что судья совершил процессуальное правонарушение, не заявив вовремя самоотвод. Разумеется, нельзя полностью исключать возможность ситуации, когда судья объективно не знал и не мог знать о наличии оснований для отводов вплоть до момента его заявления другим лицом. Но такие случаи редки, и мы сейчас будем рассматривать ситуацию, когда отвод судьи является следствием неисполнения судьей своей процессуальной обязанности по заявлению самоотвода. Во-вторых, отвод судьи влечет негативные процессуальные последствия участникам процесса, поскольку как минимум затягивает рассмотрение дела. В то же время для самого судьи в случае его отвода процессуальное последствие, заключающееся в том, что судья более не будет рассматривать данное дело, сложно считать негативным. Косвенно негативные последствия иного характера (например, дисциплинарного) у такого судьи могут возникнуть в случае последующего рассмотрения факта отвода и соответствующих действий судьи квалификационной коллегией судей. Несколько иначе в плане последствий обстоит дело в случае отвода третейского судьи (арбитра), арбитражного заседателя, а также лиц, содействующих правосудию. Для них процессуальное последствие в виде отстранения их от дальнейшего участия в рассмотрении дела является негативным, поскольку влечет для них лишение их имущественного характера в виде вознаграждения за соответствующую работу. Интересным также представляется подход, согласно которому самоотвод и отвод рассматриваются как мера позитивной юридической ответственности³.

³ Серка Т.В. Самоотвод судьи в арбитражном процессе в контексте мер позитивной юри-

Ускорение рассмотрения дела в результате рассмотрения соответствующего заявления заинтересованным лицом также сложно рассматривать в качестве меры процессуальной ответственности, поскольку это является следствием нарушения судом, рассматривающим дело, разумных сроков судопроизводства, а сама мера влечет определенные негативные последствия процессуального характера для судьи, поскольку создают для него дополнительную нагрузку, связанную с ускоренным рассмотрением дела и совершением необходимых, в том числе дополнительных, процессуальных действий (извещение лиц, участвующих в деле, и выполнение иных указаний председателя суда).

Частное определение как мера процессуального воздействия и ее относимость к процессуальной ответственности судей также является дискуссионной в юридической науке. Во-первых, в процессуальном законодательстве прямо не указано на то, что частные определения могут быть вынесены в адрес судей, однако общеправовое толкование нормы, правоприменительная практика⁴ и юридическая литература⁵ показывают, что такое возможно, хотя и случается редко. Во-вторых, не до конца ясно, можно ли относить частное определение к мерам процессуальной ответственности, потому что, как справедливо отмечается, в самом частном определении указывается лишь на факт процессуального нарушения и на его, как правило, грубый характер, но конкретные меры воздействия судом не принимаются, а лишь указывается на необходимость их принятия в отношении лица, совершившего процессуальное правонарушение, соответствующим вышестоящим лицом. В то же время учеными отмечается, что воздействие, которое оказывает факт вынесения частного определения на правонарушителя, схоже с воздействием, оказываемым выговором или предупреждением

дической ответственности // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 2. С. 8–11.

⁴ Частное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 ноября 2017 г. № 5-КГ17-181.

⁵ См.: Колоколов Н. Частное определение в адрес судьи // ЭЖ-Юрист. 2017. № 50. С. 12 // СПС «КонсультантПлюс»; Батурина Н.А. Частное определение как процессуальное средство предупреждения судебных ошибок в гражданском судопроизводстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 7. С. 39–42 // СПС «КонсультантПлюс».

как мерами дисциплинарного характера⁶. К указанному мнению необходимо, на наш взгляд, добавить, что частное определение порождает и иные последствия, связанные с необходимостью принятия ряд мер по недопущению повторения подобных процессуальных правонарушений, то есть мер процессуального характера. Эти меры, конечно, вряд ли будут относиться к тому же делу, по которому вынесено частное определение, а будут касаться других будущих дел судьи. Поэтому указанные процессуальные меры нельзя рассматривать в качестве юридической ответственности, поскольку они и так являются процессуальной обязанностью судьи в силу закона.

Подытоживая вышеизложенное, следует сделать вывод, что поскольку судья не обладает личной заинтересованностью в исходе дела, то к мерам его процессуальной ответственности с определенной натяжкой можно относить лишь возврат дела на новое рассмотрение тому же судье или удовлетворение председателем суда заявления об ускорении дела. Остальные негативные процессуальные последствия совершенных им нарушений (отводы, возврат дела на новое рассмотрение другому составу судей, частные определения и др.) нельзя рассматривать как меры процессуальной ответственности.

Кроме процессуальной ответственности судьи, интересным представляется появление такой новой меры юридической ответственности, как понижение в квалификационном классе судьи. Законом⁷ и в научной литературе эту меру отнесли к дисциплинарным взысканиям⁸. При этом хотелось бы обратить внимание на то, что понижение в квалификационном классе подразумевает снижение общего размера оплаты труда судьи, а поэтому эта мера

влечет также последствия имущественного характера.

Процессуальная ответственность лиц, содействующих осуществлению правосудия и не имеющих личной заинтересованности в исходе дела, частично схожа с ситуацией процессуальной ответственности судьи. Наиболее близкое сходство, очевидно, у помощника судьи. Но перечень процессуальных правонарушений, которые может совершить помощник судьи самостоятельно и независимо от судьи, очень узок. Как субъекта юридической ответственности помощника судьи было бы удобнее группировать вместе с составом суда, а не с лицами, содействующими правосудию. Схожую по своей правовой природе с судьями процессуальную ответственность несут судебные приставы-исполнители и нотариусы. Остальные субъекты — лица, содействующие правосудию (эксперты, специалисты, переводчики, свидетели), — несут процессуальную ответственность, негативные последствия которой носят более явный и понятный характер. Так, лица, содействующие правосудию, являются субъектами штрафной ответственности, которая, как мы уже отмечали выше, хотя и относится многими учеными к гражданской процессуальной ответственности, но по своему характеру является административной, а не процессуальной. Более явная именно процессуальная ответственность может быть возложена на свидетелей в гражданском процессе в виде привода. Другие негативные последствия в виде отводов лиц, содействующих правосудию, или непринятия в качестве надлежащего доказательства заключения эксперта, влекут для указанных лиц последствия процессуального характера в виде прекращения их участия в рассмотрении дела, что, в свою очередь, влечет последствия имущественного характера, поскольку лишают их компенсации или оплаты. Соответственно, такие меры, применяемые судом, можно рассматривать в качестве процессуальной ответственности, что отмечается и в юридической литературе⁹. Следует при этом отметить, что часто

⁶ Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве: монография. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 192 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4832.

⁸ Крашенинников П., Толстой Ю.(Г.), Верещагин А., Решетникова И., Белов С., Крупенин Р., Головки Л., Рассказова Н., Гольцблат А., Зарипов В., Хренов А., Новак Д., Пузыревский С. Правовые итоги — 2018 // Закон. 2019. № 1. С. 18–37.

⁹ Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова [и др.]; под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 656 с. // СПС «КонсультантПлюс».

процессуальные меры ответственности в отношении лиц, содействующих правосудию, и иных лиц сами по себе могут не являться достаточно эффективными. Так, например, отвод эксперта хотя и влечет для него лишение возможности выполнить работу (экспертизу) и получить за нее деньги (оплату экспертизы), однако не всегда для эксперта это будет таким уж негативным последствием. Например, эксперт на момент заявления в отношении него отвода мог еще не приступить к экспертизе и иметь достаточно много иной работы. Можно привести достаточно много разнородных примеров ситуаций, когда лица, содействующие правосудию, могут совершать процессуальные правонарушения, не влекущие уголовной ответственности, но при этом приносящие определенный вред процессу (например, банально, не являться), не опасаясь процессуальной ответственности. Поэтому в некоторых случаях в отношении лиц, содействующих правосудию, более эффективной является ответственность административного характера, прежде всего — судебные штрафы.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1) Все субъекты цивилистического процесса являются субъектами юридической ответственности за совершенные ими процессуальные правонарушения.

2) Доказано, что поскольку судья не обладает личной заинтересованностью в исходе дела, то к мерам его процессуальной ответственности с определенной натяжкой можно относить лишь возврат дела на новое рассмотрение тому же судье или удовлетворение председателем суда заявления об ускорении дела. Остальные негативные процессуальные последствия совершенных им нарушений (отводы, возврат дела на новое рассмотрение другому составу судей, частные определения и др.) нельзя рассматривать как меры процессуальной ответственности.

3) В отношении лиц, содействующих правосудию, и иных участников цивилистического процесса также предусмотрена ответственность процессуального характера (отвод, удаление из зала судебного заседания, привод и др.), однако обосновано, что меры административного характера в виде штрафов в преобладающем большинстве случаев являются более эффективными при условии адекватности их размеров.

Литература

1. Батурина Н.А. Частное определение как процессуальное средство предупреждения судебных ошибок в гражданском судопроизводстве / Н.А. Батурина // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 7. С. 39–42.
2. Институт юридической ответственности : монография / Д.А. Липинский [и др.] ; под редакцией Д.А. Липинского. Москва : РИОР, 2018. 230 с.
3. Клеандров М.И. О правовой природе ответственности судей в Российской Федерации / М.И. Клеандров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 3 (39). С. 58–64.
4. Колоколов Н. Частное определение в адрес судьи / Н. Колоколов // ЭЖ-Юрист. 2017. № 50. С. 12.
5. Крашенинников П. Правовые итоги — 2018 / П. Крашенинников, Ю.(Г.) Толстой, А. Верещагин // Закон. 2019. № 1. С. 18–37.
6. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев [и др.] ; под редакцией М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2019. 656 с.
7. Липинский Д.А. Процессуальное правонарушение: понятие и признаки / Д.А. Липинский, Е.В. Чуклова // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 39–61. DOI: 10.24031/2226-0781-2017-7-4-39-61
8. Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве : монография / Д.Г. Нохрин. Москва : Волтерс Клувер, 2009. 241 с.
9. Парфирьев Д.Н. Проблемы штрафной гражданско-процессуальной ответственности / Д.Н. Парфирьев // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 3. С. 18–23.
10. Серка Т.В. Самоотвод судьи в арбитражном процессе в контексте мер позитивной юридической ответственности / Т.В. Серка // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 2. С. 8–11.

Какова цена незаконных действий должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда при реабилитации?

Зубков Владимир Николаевич,

старший преподаватель кафедры частноправовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний (ВЮИ ФСИН России)
z-vladimir-z@mail.ru

Гусева Ирина Ивановна,

доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний (ВЮИ ФСИН России), кандидат юридических наук, доцент
guseva-ir@mail.ru

В статье дается анализ возникновения убытков, которые вынуждена нести федеральная казна в связи с незаконным уголовным преследованием со стороны органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Обращается внимание на значительность расходов, связанных с содержанием подследственных и осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы, в отношении которых в последующем приняты реабилитирующие решения. Приводится расчет стоимости убытков бюджетных средств в связи с реабилитацией лица, в состав которых входят возмещение имущественного, морального вреда. Анализируются судебные решения и статистические данные, касающиеся вопросов реабилитации и взысканий с федеральной казны в связи с незаконными действиями со стороны должностных лиц правоохранительных органов.

Ключевые слова: реабилитация, незаконные действия, имущественный вред, компенсация морального вреда, возмещение убытков, учреждения ФСИН России, должностные лица.

What Is the Price of Illegal Actions of Officials of Interrogation, Pre-Trial Investigation, Prosecution and Judicial Authorities in Rehabilitation?

Zubkov Vladimir N.

Senior Lecturer of the Department of Private Law Disciplines of the Faculty of Law and Management of the VLI of the FPS of Russia

Guseva Irina I.

Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Law Faculty of the VLI of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

The article analyzes the occurrence of losses that the federal treasury is forced to bear in connection with unlawful criminal prosecution by the bodies of inquiry, preliminary investigation; the prosecutor's office and the court. Attention is drawn to the significance of the costs associated with the maintenance of persons under investigation and convicted in the penitentiary system, for which rehabilitative decisions were subsequently made. The calculation of the cost of losses of budgetary funds in connection with the rehabilitation of a person whose composition includes compensation for property and moral harm. Judicial decisions and statistics regarding the issues of rehabilitation and recovery from the federal treasury in connection with illegal actions by law enforcement officials are analyzed.

Keywords: rehabilitation, illegal actions, property damage, compensation of moral harm, compensation for damages, the establishment of the FSIN of Russia, officials.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) определяет реабилитацию как порядок восстановления прав

и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещение причиненного

ему вреда. Обращаясь к истории вопроса, вспомним ст. 58-1 УПК РСФСР, в названии которой содержалась установка по принятию мер к возмещению ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями. Указывает именно на незаконные действия должностных лиц ст. 1070 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда¹. Говоря о возмещении вреда реабилитированному, необходимо иметь в виду, что данный вред причинен в результате действий конкретного(ых) должностного(ых) лица (лиц) правоохранительных органов или суда, а не обезличено.

Под нарушением прав и свобод следует понимать незаконные и необоснованные действия должностных лиц судебно-следственных органов, нарушающие требования не только международных договоров, конституции, УПК РФ, но и подзаконных актов различного уровня (инструкций, положений, приказов, решений и т.п.). К такого рода нарушениям относятся как уголовные преследование гражданина в целом, так и применение отдельных мер принуждения либо проведение процессуальных действий, связанных с принуждением, осуществленные от имени государства судом, прокурором, следователем, дознавателем, которые по их ошибочному представлению являлись правомерными, а также допущенные незаконно по халатности или умышленно. Последствием подобных ущемлений прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовный процесс, является их право на реабилитацию и заявление требований о возмещении имущественного и морального вреда в полном объеме.

Глава 18 УПК РФ устанавливает основания возникновения права на реабилитацию и определяет перечень прав реабили-

тированного на возмещение имущественного вреда, восстановление иных прав (разрешаются судом при исполнении приговора в соответствии со ст. 399 УПК РФ) и морального вреда (разрешаются в порядке гражданского судопроизводства по основаниям, предусмотренным ст. 1069 и 1070 ГК РФ). Этот вред возмещается реабилитированным гражданам Министерством финансов РФ из федеральной казны на основании судебных актов.

В настоящее время вопрос о возмещении в порядке регресса (ст. 1081 ГК РФ) в бюджет государства убытков, возникших по вине должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда и состоящих, как правило, из двух составляющих (имущественного и морального вреда), остается актуальным. На наш взгляд, в состав таких убытков следует включать и денежные средства, направленные из федерального бюджета учреждениям ФСИН на содержание или исполнение мер пресечения в отношении впоследствии реабилитированных лиц. Сумму следует рассчитывать только за тот период, в течение которого реабилитированные претерпевали последствия нарушения их прав вследствие незаконных и необоснованных действий должностных лиц.

Эти затраты сложно исчислять, но они значительны по стране. По некоторым сведениям, только в 2017 г. в России на содержание заключенных в день расходовалось 678 млн руб., а на каждого заключенного в месяц выделялось в среднем по 33 тыс. руб.² Кроме этого, бюджетные средства затрачиваются при осуществлении контроля за соблюдением надлежащего исполнения обвиняемым отдельных мер пресечения, например, домашнего ареста, запрета определенных действий.

Следует учитывать, что незначительная часть затрат на содержание осужденных лиц удерживается из их заработной платы в соответствии с ч. 4 ст. 99 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, предписывающей, что осужденный, получающий заработную плату или пенсию, возмещает стоимость питания, одежды, коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены (кроме стоимости специального питания

¹ Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда: утв. Указом Президиума ВС СССР от 18 мая 1981 г. № 4892-Х «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» (утв. Законом СССР от 24 июня 1981 г. № 5156-Х). URL: http://base.garant.ru/10105655/954625720708667b2b008cf667beaac/#block_1000

² Сколько Россия тратит на содержание заключенных? // Свободные новости. 2017. 29 июня. URL: http://svobodnye-novosti.ru/new/skolko-rossiya_tratit_na_soderzhanie_zaklyuchennyh/

и специальной одежды). По сведениям «Новой газеты», оплата труда осужденных, обеспеченных работой в местах лишения свободы, остается достаточно низкой — на уровне около 3 тыс. руб. в месяц. До 75% от этой суммы учреждения ФСИН перечисляют в счет погашения исков, поэтому доходы работающего осужденного составляют менее тысячи рублей в месяц³. При таких доходах ставить вопрос о возможности взыскания с осужденных всей суммы расходов на их содержание не приходится. Кроме того, остаются невосполнимыми затраты федеральной казны на содержание осужденных, отказывающихся от работы и не работающих по уважительным основаниям: учеба, медицинские показания, отсутствие рабочих мест, а также лиц, содержащихся под стражей в СИЗО, ИВС, которые не трудоустраиваются.

Например, выплаты из федерального бюджета за 2018 г. на содержание осужденных в одной из колоний строгого режима Владимирской области составили 44 млн 600 тыс. руб. Удержания в счет погашения этих затрат (питание, вещевое довольствие, коммунально-бытовые нужды) из заработной платы работающих (менее половины осужденных) составили 7 млн 200 тыс. руб., то есть чуть более 16%. В первом квартале 2019 г. в той же колонии при уменьшении наполняемости не работали чуть более половины. Выплаты из федерального бюджета за квартал на содержание осужденных составили 9 млн 600 тыс. руб., а удержания из заработной платы осужденных в счет погашения этих затрат — 2 млн 300 тыс. руб.⁴, то есть почти 24%.

Возвращаясь к возмещению вреда в порядке регресса при реабилитации, расчет суммы убытков, которые понесла российская казна, должен исчисляться путем сложения выплат имущественного вреда и компенсации морального вреда, взысканных по судебному решению, а также выплат из федерального бюджета на содержание одного реабилитированного в конкретном учреждении уголовно-исполнительной системы.

По изученным 20 делам, рассмотренным Владимирским областным судом с декабря 2017 г. по март 2018 г. по апелляционным жалобам по искам реабилитированных лиц, содержащихся под стражей, о компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, в отношении 15 человек вынесены решения о выплате из федеральной казны 752 тыс. руб. Требования о возмещении имущественного вреда были заявлены лишь по одному делу, № 33-1270/2017 и удовлетворены судом в размере 8 тыс. руб. Проанализируем возможную сумму регресса на одном из примеров:

— по делу № 33-742/2017 истец в связи с незаконным уголовным преследованием просила взыскать компенсацию морального вреда в размере 15 млн 400 тыс. руб. Органом предварительного следствия ей предъявлено обвинение по девятнадцати составам преступлений, по одному из которых подсудимая была осуждена, а по остальным оправдана. За преступление, в отношении которого подсудимая была оправдана, она незаконно находилась в СИЗО в течение 10 месяцев. Срок содержания под стражей не зачтен в срок наказания. Суд первой инстанции определил к взысканию с Министерства финансов Российской Федерации компенсацию морального вреда в размере 600 тыс. руб., апелляционная инстанция снизила этот размер до 200 тыс. руб. В то же время федеральный бюджет понес значительно большие убытки, включающие в себя затраты на незаконное содержание подсудимой под стражей длительностью 10 месяцев. Для расчета используем выше представленные сведения о затратах на одного заключенного в месяц в размере 33 тыс. руб. Итого: 33 тыс. руб. x 10 месяцев + 200 тыс. руб. (компенсация морального вреда) = 530 тыс. руб.

По данным Верховного Суда России, за первое полугодие 2018 г.:

— прекращены дела по реабилитирующим основаниям в количестве 1120, за тот же период 2017 г. — 3272;

— освобождены из-под стражи, оправданные по приговору суда, и лица, в отношении которых дела прекращены в количестве 6495, за тот же период 2017 г. — 7040⁵.

³ Киюцина О. На тюремную систему мы тратим больше, чем на весь Минздрав // Новая газета. 2017. 9 января. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/01/09/71078-ni-slova-o-tyurnmah>

⁴ По данным, представленным при интервьюировании сотрудников учреждений УФСИН России по Владимирской области.

⁵ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по пер-

Для сравнения, по данным Верховного Суда России, в 2010 г. было реабилитировано более 2600 человек, за первые шесть месяцев 2011 г. — 1925 человек. Российская казна только за полтора года тогда выплатила 450 млн руб. в качестве возмещения имущественного ущерба и около 620 млн руб. компенсации морального вреда реабилитированным за незаконное уголовное преследование⁶.

При этом надо учесть, что размер компенсации морального вреда, взысканный по решению суда первой инстанции в пользу реабилитированного, зачастую оспаривается из-за его заниженной оценки судом. Это связано с тем, что каких-то четких оценок размера компенсации морального вреда, при признании права на реабилитацию, в связи с незаконными действиями (бездействием), допущенными органами дознания, предварительного следствия, прокурором, судом, нет. Поэтому в каждом случае суд определяет сумму исходя, на его взгляд, из разумности и справедливости, с тем, чтобы соблюсти баланс частных и общественных интересов. Однако этот вопрос требует отдельного исследования.

Приведенная выше статистика дана без учета затрат федеральных средств, выделяемых на содержание осужденных (подследственных) за период допущенных необоснованных, незаконных действий со стороны должностных лиц государственных органов, поэтому она отражает незначительную часть убытков, на самом деле они гораздо больше, образуя невосполнимую «дыру» в казне Российской Федерации.

Регрессные требования на основании п. 3, 3.1 ст. 1081 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) могут быть предъявлены к должностным лицам органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда лишь за действия, перечисленные в п. 1 ст. 1070 ГК РФ, и только в случае, когда вред причинен в результате незаконных

действий (бездействий), вследствие которых произведено возмещение.

Существующий механизм взыскания регрессивных требований Министерством финансов Российской Федерации в случаях реабилитации граждан имеет погрешности, снижающие возможность восполнения бюджетных затрат. Вряд ли целесообразно в любом случае обращать требования регресса на должностное лицо, допустившее необоснованные действия, последствием которых явилось возмещение вреда реабилитированному. В то же время сформировавшееся в правоохранительных органах чувство безнаказанности, приводящее к допущению незаконных действий при расследовании и разрешении уголовных дел, требует пересмотра персональной материальной ответственности каждого из субъектов правоприменения. Это послужит стимулом для более ответственного подхода к принятию законных процессуальных решений.

Очевидно, что деятельность государства должна осуществляться исключительно на основе законов, при строгом исполнении должностными лицами своих обязанностей и соблюдении прав социальных субъектов. Это свойство распространяется на все правовые формы деятельности государства, и установленная материальная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность не позволяет должностным лицам государственных органов совершать деяния, противоречащие законам и другим правовым актам. Поэтому доработка механизма персональной ответственности должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда за действия, перечисленные в п. 1 ст. 1070 ГК РФ, несомненно явится сдерживающим фактором от производства незаконных действий и принятия незаконных решений, а также позволит Федеральному казначейству в полной мере использовать институт регрессных исков для восполнения убытков, возникающих вследствие возмещения вреда реабилитированным и затраченных на их содержание в учреждениях УИС.

вой инстанции за первое полугодие 2018 г.
URL: <http://www.cdep.ru/index.php>

⁶ Ошибка следствия станет платной // Российская газета. 2011. 15 ноября.

Литература

1. Киюцина О. На тюремную систему мы тратим больше, чем на весь Минздрав / О. Киюцина // Новая газета. 2017. 9 января.
2. Куликов В. Ошибка следствия станет платной / В. Куликов // Российская газета. 2011. 15 ноября.

Понятия «арбитраж», «третейский суд» и «арбитражный суд» в российском законодательстве и вопросы, возникающие при их использовании

Черникова Ирина Владимировна,
заместитель руководителя секретариата
председателя Арбитражного суда Северо-Западного округа
ivchernikova.arb@mail.ru

В статье рассматриваются значения понятий «арбитраж» и «третейский суд», их соотношение с понятием «арбитражный суд». Автор отмечает, что понятие «арбитраж» в любом его значении (третейский суд, состав арбитров, третейское разбирательство) исторически противопоставлялось государственной деятельности по отправлению правосудия. Автор анализирует положения законодательства о третейских судах, точки зрения ученых, возникающие практические вопросы и приходит к выводу о необходимости переименования арбитражных государственных судов. Кроме того, по мнению автора, следует привести положения гражданского процессуального законодательства в соответствие с терминологией нового закона об арбитраже.

Ключевые слова: арбитраж, третейский суд, арбитражная реформа, терминология, переименование.

The Concepts of "Arbitration", "Arbitration Court" and "Commercial Court" in Russian Laws and Issues Arising in the Use Thereof

Chernikova Irina V.
Deputy Head of the Administrative Office of the Presiding Judge
of the Commercial Court of the North-Western District

The article discusses the meaning of the concepts of 'arbitration' and 'arbitrage', their relationship with the concept of 'commercial court'. The author notes that the concept of 'arbitration' in any of its meanings (arbitrage, composition of arbitrators, arbitration) has historically been opposed to state administration of justice. The author analyzes the rules on arbitration, the point of view of scientists, emerging practical issues and concludes that it is necessary to rename the state arbitration courts. In addition, according to the author, the rules of the civil procedural law should be brought into line with the terminology of the new law on arbitration.

Keywords: arbitration, arbitrage, arbitration reform, terminology, renaming.

В Российской Федерации «арбитражными» именуются не только негосударственные институты третейского разбирательства, но и государственные суды, рассматривающие экономические и иные споры в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»¹ и Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации².

Такое смешение понятий давно подвергается обоснованной критике в юридической литературе.

Как справедливо отмечено А.П. Вершининым, такая лексика создает сложности в обозначении судов, что способно повлечь за собой проблемы в уяснении компетенции третейских судов, а также в признании и исполнении решений международных коммерческих арбитражей³.

По мнению А.П. Белова⁴, это не просто терминологический вопрос, так

¹ Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

³ Вершинин А.П. Выбор способа защиты гражданских прав. СПб., 2000. С. 245.

⁴ Белов А.П. Международный коммерческий арбитраж на пороге нового тысячелетия // Право и экономика. 2000. № 10 // СПС «КонсультантПлюс».

как смешение понятий в терминологии приводит к негативным последствиям для спорящих сторон. Возможны путаница и непонимание спорящих сторон в вопросе о том, в какой суд им обращаться при наличии арбитражной оговорки в контракте. Представляется, что особенно это способно осложнить споры с иностранным элементом, ведь для иностранных предпринимателей термин «арбитражный» означает только третейский, а не государственный суд.

Путаницу могут порождать и публикации в средствах массовой информации, в которых активно используется термин «арбитраж» при освещении деятельности как государственных арбитражных судов⁵, так негосударственных арбитражных учреждений⁶.

По нашему мнению, в контексте названной проблемы можно выделить и следующий аспект. В том случае, если в третейской оговорке в договоре указан, например, Арбитражный третейский суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, это порождает ассоциацию с Арбитражным судом г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, являющимся государственным судом первой инстанции. На практике такое смешение понятий способно повлечь негативные последствия для спорящих сторон⁷. Очевидно, именно это побудило разработчиков нового Федерального закона

от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»⁸ (далее — Закон об арбитраже) включить в п. 21 ст. 44, согласно которому запрещается создание в Российской Федерации постоянно действующих арбитражных учреждений, наименования которых включают в себя словосочетания «арбитражный суд» и «третейский суд», если полное наименование учреждения сходно до степени смешения с наименованиями судов Российской Федерации.

Разграничение между рассмотрением спора судьей, назначаемым государственной властью (лат. *judex*), и судьей, избираемым сторонами спора (лат. *arbiter*), проистекает из древности⁹.

В своем историческом очерке¹⁰ А.Ф. Волков со ссылкой на источники римского права указал, что миссии *judex* и *arbiter* различались по существу: древний *arbiter*, как его изображают Законы XII таблиц, был только лицом, обладавшим специальными знаниями для решения вопроса факта (например, оценка плодов при виндикации, вопрос о распределении воды, раздел наследства и собственности). *Arbiter* мог быть избран из народа в то время, как в качестве *judex* выступал сенатор или лицо из списка всадников¹¹.

Понятие «арбитраж», возникшее от лат. *arbiter*, впоследствии вошло в законодательство и доктрину более чем 40 стран¹².

Происхождение понятия «третейский суд» в русском языке исследовалось многими учеными¹³. Остановимся подробнее

⁵ См., например: Арбитраж освободил конкурсного управляющего «ВИМ-Авиа» от должности // РАПСИ. 2020. 6 марта. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20200306/305547379.html (дата обращения: 09.03.2020); Белгородский арбитраж не стал рассматривать иск о возмещении уплаченных Григорием Федяковым 23 млн рублей // Коммерсант. 2020. 25 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4267991> (дата обращения: 09.03.2020).

⁶ См., например: Арбитраж подтвердил запрет на продажу акций «дочки» ВЭБа на Украине // РБК. 2020. 3 марта. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e5e11ca9a79477d9bfbbf70> (дата обращения: 09.03.2020); Ботороева Е. Кабмин одобрил поправки об особенностях работы спортивного арбитража // Парламентская газета. 2020. 7 марта. URL: <https://www.pnp.ru/social/kabmin-odobril-popravki-ob-osobennostyakh-raboty-sportivnogo-arbitrazha.html> (дата обращения: 09.03.2020).

⁷ См., например: Постановления Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 января 2013 г. по делу № А56-53061/2012 и от 6 ноября 2013 г. по делу № А56-24784/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.

⁹ См.: Волков А.Ф. Торговые третейские суды. Историко-догматическое исследование. СПб., 1913. С. 1.

¹⁰ Волков А.Ф. Указ. соч. С. 4.

¹¹ Там же.

¹² Хлестова И.О. Типовой закон о международном торговом арбитраже и российский Закон о международном коммерческом арбитраже: общее и особенное // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 78.

¹³ См., например: Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву: Историко-догматическое рассуждение. М., 1856. 125 с.; Волков А.Ф. Торговые третейские суды: Историко-догматическое исследование. СПб., 1913. 292 с.; Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского

на работе¹⁴ современного автора Т.В. Летуты, в которой указывается, что слово «третейский» в русском языке происходит от числительного «третий», которое, если первый, второй и третий расположить по кругу, всегда оказывается между первым и вторым, то есть «третий» является средним; средний, то есть посредник, находится посередине, между противоположными крайними точками, занимает промежуточное положение. Понятие «посредник» зачастую раскрывается посредством слова «незаинтересованный», которое встречается в современном толковании термина «третейский»: когда есть две спорящие стороны и третья сторона, не связанная ни с той, ни с другой, то есть незаинтересованная, поэтому именно она выполняет посредническую функцию по разрешению спора¹⁵. Понимание третейского суда как суда незаинтересованной третьей стороны отражено и в судебной практике Верховного Суда Российской Федерации¹⁶.

Законодательно третейский суд в Российской Федерации изначально был определен как орган, «которому по соглашению сторон поручена организация третейского разбирательства конкретного спора»¹⁷.

Далее были приняты Федеральный закон от 24 июля 1992 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»¹⁸ (далее — Закон о третейских судах) и Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном ком-

мерческом арбитраже»¹⁹ (далее — Закон о МКА), которые учитывали положения Типового закона «О международном торговом арбитраже»²⁰, принятого Комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной торговли в 1985 г. (далее — Типовой закон ЮНСИТРАЛ).

Согласно ст. 2 Типового закона ЮНСИТРАЛ «арбитраж» означает любой арбитраж, независимо от того, осуществляется ли он постоянным арбитражным учреждением или нет; «арбитражный суд» означает единоличного арбитра или коллегия арбитра.

В редакции ст. 2 Закона о МКА, действовавшей до 1 сентября 2016 г., было указано, что «арбитраж» означает любой арбитраж (третейский суд) независимо от того, образуется ли он специально для рассмотрения отдельного дела или осуществляется постоянно действующим арбитражным учреждением.

В Законе о третейских судах использован аналогичный подход к регламентации понятия «третейский суд»: оно определено лишь путем указания на виды третейского суда. Так, согласно ст. 2 названного закона²¹ третейский суд — это постоянно действующий третейский суд или третейский суд, образованный сторонами для решения конкретного спора.

Таким образом, отечественный законодатель, с одной стороны, постарался терминологически разграничить арбитраж и третейский суд: применительно к внутреннему²² третейскому суду термин «арбитраж» не использовался, арбитра-

апелляционного производства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. 580 с.

¹⁴ Летута Т.В. Понятие третейского суда: цивилистическое исследование // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 19.

¹⁵ Ильина Л.Е., Летута Т.В. К проблеме понятия содержания юридического термина «третейский суд»: вопросы лингвистики и права // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4. С. 78.

¹⁶ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 19 марта 2015 г. по делу № 310-ЭС14-4786 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См. статью 2 Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров, утвержденного Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 24 июня 1992 г. № 3115-1. См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1790 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Федеральный закон от 24 июля 1992 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.

¹⁹ Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1240.

²⁰ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже: принят в г. Нью-Йорке 21 июня 1985 г. на 18-й сессии ЮНСИТРАЛ // Комиссия ООН по праву международной торговли. URL: https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/ml-arb/07-87000_Ebook.pdf (дата обращения: 09.03.2020).

²¹ С 1 сентября 2016 г. нормы Закона о третейских судах не применяются, за исключением третейского разбирательства, начатого и не завершено до дня вступления Закона об арбитраже (ч. 7 ст. 52 Закона об арбитраже).

²² Имеется в виду третейский суд, рассматривающий на территории Российской Федерации споры, не осложненные иностранным элементом (критерии наличия такого элемента установлены пунктами 3, 4 статьи 1 Закона о МКА).

жами именовались только международные коммерческие третейские суды²³. С другой стороны, из положений названных законов следовало, что арбитраж и третейский суд — понятия равнозначные.

Поскольку указанные определения арбитража и третейского суда фактически не раскрывали признаков и сути этих правовых явлений, российскими правоведами уделялось большое внимание исследованию этих понятий²⁴.

В результате в правовой теории выработано несколько значений терминов «арбитраж» и «третейский суд»: 1) состав третейского суда (арбитража), рассматривающего спор; 2) орган, администрирующий третейский суд (арбитраж) или организация, созданная для рассмотрения споров; 3) процедура третейского разбирательства (арбитража), цель которой состоит в защите гражданских прав, то есть механизм рассмотрения споров в целом²⁵.

Попытка внести ясность в этот вопрос сделана при принятии Закона об арбитраже, введенного в действие с 1 сентября 2016 г. Как указала М.А. Рожкова, речь идет о проведении демаркационной линии между правовыми явлениями, которые обычно, не разграничивая, обозначают одним термином «третейский суд»²⁶.

Следует отметить, что понятийный аппарат Закона об арбитраже значительно расширен по сравнению с ранее действующим правовым регулированием: в ст. 2 названного закона закреплены, в частности, определения таких по-

нятий, как арбитр (третейский судья), арбитраж (третейское разбирательство), администрирование арбитража, арбитраж внутренних споров, иностранное арбитражное учреждение, международный коммерческий арбитраж, постоянно действующее арбитражное учреждение, третейский суд, третейский суд, образованный сторонами для разрешения конкретного спора. Все это способствует более полному уяснению сути деятельности третейских судов, конкретизации их отличий от судов государственных.

Под арбитражем в новом законе понимается третейское разбирательство, то есть процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения), под третейским судом — единоличный арбитр или коллегия арбитров. Таким образом, в Законе об арбитраже термины «арбитраж» и «третейский суд» не упоминаются как синонимы. Соответствующие изменения внесены и в Закон о МКА: согласно ст. 2 этого закона «арбитраж» означает процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (третейское разбирательство) независимо от того, администрируется он постоянно действующим арбитражным учреждением, включая без ограничения Международный коммерческий арбитражный суд и Морскую арбитражную комиссию при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (приложение I и II к настоящему закону), или нет.

Между тем в нормах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации²⁷ (ст. 416, 417, 418 и 423) и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (ст. 230, 236 и 241), регулирующих процедуры оспаривания и принудительного исполнения решений третейских судов, термины «арбитраж» и «третейский суд» используются как равнозначные. По мнению автора, следует привести положения гражданского процессуального законодательства в этой части в соответствие с терминологией Закона об арбитраже и Законом о МКА.

Как уже было отмечено, понятие «арбитраж» в любом его значении (третейский суд, состав арбитров, третейское

²³ Балашов А.Н. Третейское судопроизводство в Российской Федерации : учеб. пособ. / А.Н. Балашов, А.И. Зайцев, Ю.А. Зайцева. М., 2008. С. 9; Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / под ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского // СПС «КонсультантПлюс». 2016.

²⁴ Обзор точек зрения по этому вопросу и попытки различных авторов сформулировать понятие «третейский суд» см., например: Балашов А.Н. Указ. соч. С. 9–10.

²⁵ Дмитриева Г.К. Международный коммерческий арбитраж : учеб.-практ. пособие. М., 1997. 227 с.; Скворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М., 2005. 704 с.

²⁶ Защита гражданских прав: избранные аспекты : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова // СПС «КонсультантПлюс». 2017.

²⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

разбирательство) исторически противопоставлялось государственной деятельности по отправлению правосудия. О.Ю. Скворцовым отмечено, что «Закон об арбитраже применительно к институтам третейского разбирательства использует признанную в мире терминологию»²⁸. В данном законе, помимо арбитража как процедуры третейского разбирательства, упоминаются арбитражное соглашение, арбитражное решение, арбитражное учреждение.

Изложенное свидетельствует о необходимости переименования арбитражных государственных судов. А.П. Белов указывал на возможность переименования арбитражных государственных судов «в экономические либо коммерческие

или хозяйственные суды, как это имеет место в законодательствах иностранных государств, в том числе и стран СНГ»²⁹.

Представляется, что первый шаг к переименованию уже сделан: созданная в 2014 г. в Верховном Суде Российской Федерации Судебная коллегия, являющаяся кассационной инстанцией по отношению к государственным арбитражным судам, названа не «арбитражной», а Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации³⁰. Представляется, что аналогичный подход может быть использован и в наименовании нижестоящих инстанций, рассматривающих экономические споры.

²⁸ Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) // СПС «КонсультантПлюс». 2016.

²⁹ Белов А.П. Указ. соч. // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ См.: Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

Литература

1. Балашов А.Н. Третейское судопроизводство в Российской Федерации : учебное пособие / А.Н. Балашов, А.И. Зайцев, Ю.А. Зайцева. Москва : Юстицинформ, 2008. 224 с.
2. Белов А.П. Международный коммерческий арбитраж на пороге нового тысячелетия / А.П. Белов // Право и экономика. 2000. № 10.
3. Вершинин А.П. Выбор способа защиты гражданских прав / А.П. Вершинин. Санкт-Петербург : Специальный юридический факультет по переподготовке кадров по юридическим наукам Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2000. 384 с.
4. Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву : Историко-догматическое рассуждение / А.И. Вицын. Москва : Типография Готье, 1856. 125 с.
5. Волков А.Ф. Торговые третейские суды : Историко-догматическое исследование / А.Ф. Волков. Санкт-Петербург : Тип. Редакции периодических изданий Министерства Финансов, 1913. 292 с.
6. Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного производства от Судебника до Учреждения о губерниях / Ф. Дмитриев. Москва : Унив. тип., 1859. 580 с.
7. Дмитриева Г.К. Международный коммерческий арбитраж : учебно-практическое пособие / Г.К. Дмитриева. Москва : Проспект, 1997. 227 с.
8. Защита гражданских прав: избранные аспекты : сборник статей / руководитель авторского коллектива и ответственный редактор М.А. Рожкова. Москва : Статут, 2017. 430 с.
9. Ильина Л.Е. К проблеме понятийного содержания юридического термина «третейский суд»: вопросы лингвистики и права / Л.Е. Ильина, Т.В. Летута // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4. С. 75–82.
10. Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / под редакцией О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского. Москва : Статут, 2016. 350 с.
11. Летута Т.В. Понятие третейского суда: цивилистическое исследование / Т.В. Летута // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 18–22.
12. Скворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России. Проблемы. Тенденции. Перспективы / О.Ю. Скворцов. Москва : Волтерс Клувер, 2005. 704 с.
13. Хлестова И.О. Типовой закон о международном торговом арбитраже и российский Закон о международном коммерческом арбитраже: общее и особенное / И.О. Хлестова // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 78–88.

Обвинительное заключение как итоговый документ заключительного этапа расследования: проблемы процессуальной реализации и формы

Калужный Александр Николаевич,
сотрудник Академии Федеральной службы
охраны Российской Федерации (Академия ФСО России),
кандидат юридических наук, доцент
kaluzhny-a-n@yandex.ru

В статье проводится исследование процессуальных процедур, связанных с утверждением обвинительного заключения прокурором; обосновываются законодательные пробелы правового регулирования отдельных вопросов, касающихся обжалования решений прокуроров о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования; ставятся проблемы безальтернативности позиции суда и органов предварительного следствия в случае отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения и предлагается ее разрешение; анализируется значение и роль прокуратуры при утверждении обвинительного заключения; выявляются типичные ошибки и упущения в содержании обвинительных заключений; исследуются материалы судебной практики Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и иных судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: обвинительное заключение, прокурор, отказ от обвинения, ошибки обвинительного заключения, следователь, обжалование.

Accusation as the Final Document of the Closing Investigation Stage: Issues of Procedural Implementation and Form

Kaluzhny Aleksandr N.
Employee of the Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

The article conducts a study of the procedural procedures related to the approval of the indictment by the prosecutor; substantiate legislative gaps in the legal regulation of certain issues related to appealing against the decisions of prosecutors to return the criminal case for additional investigation; problems are posed of the lack of an alternative position of the court and the preliminary investigation bodies, in the event of the public prosecutor's refusal to support the charge, and its solution is proposed; analyzes the significance and role of the prosecutor's office when approving an indictment; typical errors and omissions in the content of indictments are identified; The materials of the judicial practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation and other courts of general jurisdiction are examined.

Keywords: indictment, prosecutor, refusal of accusation, errors of indictment, investigator, appeal.

Итоговым актом уголовного преследования на заключительном этапе расследования, гарантирующим реализацию процессуальных процедур, направленных на обеспечение рассмотрения уголовного дела судом по существу, выступает обвинительное заключение. В настоящее время понимание сущности обвинительного заключения не находит однообразного толкования, разделив точки зрения исследователей на тех, кто утверждает о его необходимости и целесообразности¹, тех,

кто настаивает на изменении процедуры его составления или утверждения², и тех,

М. : НОРМА, 2010. С. 597; Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2017. С. 812; Шуваткин А.В. Обвинительное заключение и обвинительный акт в современном уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 242 с.; и др.

² См., например: Багмет А.М., Цветков Ю.А. Утверждение обвинительного заключения прокурором: рудимент или необходимость? // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 53–55; Муратова Н.Г. Процессуальная модель субъекта обвинительного заключения (история и современность) // Российский следователь. 2011. № 14. С. 20–23; и др.

¹ См., например: Уголовно-процессуальное право РФ : учебник / под ред. П.А. Лупинской.

кто отрицает его обоснованность и ратует за исключение данного процессуального акта из сферы уголовного судопроизводства³.

Исследование позиций ряда авторов привело нас к заключению о необходимости поддержать позицию авторов, указывающих на ценность и значение обвинительного заключения как заключительного акта расследования, отражающего окончательную формулировку обвинения, устанавливающую основу и пределы судебного разбирательства, а также позицию следствия о виновности лица, подтвержденную совокупностью собранных и исследованных доказательств⁴.

В то же время имеющиеся проблемы судебно-следственной практики ориентируют нас на обращение внимания на круг нерешенных вопросов, связанных с подготовкой и утверждением обвинительного заключения, а также анализом его содержания и формы.

Посчитав, что виновность обвиняемого доказана, а собранные доказательства достаточны для направления уголовного дела в суд, следователь составляет обвинительное заключение и направляет его с уголовным делом прокурору. В то же время возможная заинтересованность прокурора в неутверждении обвинительного заключения в отношении конкретного лица позволяет прокурору бесконечное количество раз возвращать уголовное дело для дополнительного расследования (ч. 1 ст. 221 Уголовно-процессуального кодекса РФ; далее — УПК РФ). Указанная ситуация в настоящее время не имеет результативного решения, поскольку положения ч. 5 ст. 221 УПК РФ, позволяющие обжаловать решение о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования вышестоящему прокурору, не снимают остроту проблемы, свидетель-

ством чему являются уголовные дела в отношении должностных лиц субъектов Российской Федерации или иных высокопоставленных лиц⁵.

Нормы ст. 125 УПК РФ, предоставляющие право обжаловать такие решения прокурора, например, потерпевшему или его защитнику в суд, также сталкиваются с неразрешаемой проблемой, поскольку судебная проверка обоснованности и законности решения прокурора может быть истолкована как вмешательство судебной власти в исключительную компетенцию органов прокуратуры или органов предварительного расследования, что ведет к нарушению принципа состязательности сторон, закрепленного в ст. 15 УПК РФ. Полагаем обоснованной возможность суда осуществлять проверку законности и обоснованности вынесенных на предварительном следствии решений не иначе как в ходе судебного разбирательства по делу⁶, поскольку иное будет ассоциироваться с заведомым утверждением суда о виновности конкретного лица.

Изложенное подтверждается материалами судебно-следственной практики, указывающей, например, что при возвращении материалов уголовного дела прокурору в порядке ч. 6 ст. 237 УПК РФ суд не вправе указывать конкретную статью Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), по которой подлежит квалификации преступное деяние, а также не вправе оценивать доказательства и виновность обвиняемого⁷. Не решая вопросы предмета доказывания и не исследуя представленные доказательства, суд оценивает фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, что свидетельствует о возникновении обоснованных сомнений в объективности и беспристрастности судьи при разрешении дела по существу и является

³ См., например: Соловьев С.А. Процессуальная ценность обвинительного заключения на современном этапе (практический аспект) // Адвокатская практика. 2016. № 1. С. 28–33.

⁴ См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 226-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 5.

⁵ См., например: Лобби Юревича в прокуратуре работает? // UralDaily. 05.02.2014; Дело «игорного прокурора» Игнатенко вернули следователям // Московский комсомолец. 2013. 18 июня; Дело прокуроров попробуют переиграть // Коммерсант. 2011. 28 июня; и др.

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10. С. 16–17.

⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2018. № 7.

препятствием для последующего участия судьбы в рассмотрении дела⁸.

Одной из неразрешенных проблем, касающейся сущности обвинительного заключения, является предусмотренная ч. 7 ст. 246 УПК РФ и п. 7 приказа Генпрокуратуры России от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» возможность отказа государственного обвинителя от обвинения в полном объеме или же частично. Парадокс данной ситуации заключается в том, что, утвердив обвинительное заключение, прокурор согласился с позицией следствия о доказанности виновности обвиняемого и достаточности собранных доказательств для рассмотрения дела по существу судом. По справедливому высказыванию С.А. Соловьева, органы прокуратуры, выступающие в судебных заседаниях в качестве государственных обвинителей, не несут ответственности за судебную перспективу уголовного дела⁹.

Возможность отказов прокуроров от обвинений, изложенных в обвинительном заключении в целом или в части уголовного преследования, становилась предметом неоднократных рассмотрений в судебной практике Конституционного Суда Российской Федерации, инициаторами которых выступали Генеральный прокуратор Российской Федерации и судьи судов различных инстанций¹⁰, а также в практике деятельности Верховного Суда Российской Федерации, указывающих, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства или

же изменение им обвинения в сторону смягчения predeterminedляют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя¹¹.

Указанная позиция подрывает авторитет Прокуратуры Российской Федерации и отдельных прокуроров, утвердивших обвинительные заключения, поскольку позволяет при поддержании государственного обвинения в суде отказаться от ранее принятой позиции органов предварительного следствия о доказанности виновности обвиняемого, достаточности собранных по делу доказательств и их законности. Поддержим позицию Ю.А. Цветкова, указывающего, что уголовное судопроизводство как система должно обладать отказоустойчивостью, предусматривающей возможность компенсационного подключения одних механизмов при отказе других¹².

Безальтернативная позиция суда и органов предварительного следствия, в случае отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения, вызывает ряд теоретических предложений как со стороны научных работников, так и с точки зрения практиков, предлагающих изменения действующего уголовно-процессуального законодательства¹³. Не останавливаясь на анализе содержания ряда из них, отметим необходимость наделения стороны обвинения дополнительными процессуальными инструментами, позволяющими поддержать сформированную в ходе предварительного расследования позицию в случае отказа государственного обвинителя (прокурора, его помощника) от обвинения в суде.

⁸ Там же.

⁹ Соловьев С.А. Процессуальная ценность обвинительного заключения на современном этапе (практический аспект) // Адвокатская практика. 2016. № 1. С. 30.

¹⁰ См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2000 г. № 150-О «По ходатайству Генерального прокурора Российской Федерации об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 года по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и советского районного суда города Нижний Новгород» // СЗ РФ. 2000. № 33. Ст. 3432.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5.

¹² Цветков Ю.А. Отказоустойчивость уголовного судопроизводства в досудебной стадии // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 27–31.

¹³ См., например: Муратова Н.Г. Процессуальная модель субъекта обвинительного заключения (история и современность) // Российский следователь. 2011. № 14. С. 20–23; Желтобрюхов С.П. Кто должен утверждать обвинительное заключение? // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 41–43; Цветков Ю.А. «Улыбка без кота», или Что останется от предварительного следствия? // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 18–23; и др.

Укрепление процессуальной самостоятельности следственных органов наиболее целесообразно путем наделевания руководителя следственного органа полномочиями по поддержанию государственного обвинения в случае отказа от такой поддержки прокурором¹⁴. Предложенный механизм будет соответствовать современной модели уголовного преследования, позволяя органам предварительного следствия, как стороне обвинения, непосредственно отстаивать свою позицию в суде, основываясь на совокупности доказательств, собранных в ходе предварительного расследования.

В то же время предложенные рядом научных исследователей и сотрудниками правоохранительных органов модели по лишению органов Прокуратуры Российской Федерации полномочий по утверждению обвинительного заключения, в том числе в связи с возможностью последующего отказа прокуроров от уголовного преследования, считаем нецелесообразными¹⁵.

Исходя из функций, возложенных на Прокуратуру Российской Федерации и прокуроров, как участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, отметим, что последние не только наделяются обязанностью осуществления уголовного преследования от имени государства, но и реализуют надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Исключение из компетенции прокуроров полномочий по утверждению обвинительного заключения означает и ущемление их надзорных полномочий за результатами предварительного расследования в целом и отдельных следственных и процессуальных действий в частности. Утверждение прокурором обвинительного заключения предполагает не только принятие проку-

рором позиции следствия о совершении обвиняемым конкретных преступлений (виновности), но и подтверждение достаточности для обвинения собранных доказательств, законности их получения для направления уголовного дела в суд, рассматривающий его по существу.

Тем самым лишение прокуроров полномочий по утверждению обвинительного заключения существенным образом ограничит их надзорные полномочия и потребует принятия новых механизмов надзорной деятельности на завершающем этапе расследования.

Существенная роль обвинительного заключения обуславливает и наличие определенных требований, предъявляемых к содержанию его формы, перечень которых определен положениями ст. 220 УПК РФ. Анализ статистических данных судебно-прокурорской практики свидетельствует о грубых нарушениях и ошибках, допускаемых следственными работниками при составлении обвинительных заключений и прокурорами при оценке качества проведенного расследования в ходе утверждения обвинительных заключений. Так, например, по данным Верховного Суда Российской Федерации, из 958 тыс. уголовных дел, рассмотренных судами общей юрисдикции по первой инстанции в 2017 г., 202 тыс. уголовных дел были прекращены, а по 2,9 тыс. уголовных дел были вынесены оправдательные приговоры¹⁶.

На качество подготовленных органами предварительного следствия и дознания итоговых процессуальных документов указывают и данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, согласно которым в 2017 г. суды общей юрисдикции вернули прокурорам 12,6 тыс. уголовных дел¹⁷.

Результаты проведенного сравнительно-правового анализа свидетельствуют, что основанием для возвращения уголовных дел прокурорам явилась необходимость устранения препятствий для

¹⁴ Багмет А.М., Цветков Ю.А. Утверждение обвинительного заключения прокурором: рудимент или необходимость? // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 53–55.

¹⁵ См., например: Маслов И.В. От следственного комитета к единому органу расследования // Законность. 2012. № 3. С. 37; Цветков Ю.А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 16; Багмет А.М. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 58; и др.

¹⁶ Верховный суд подвел итоги работы судов за 2017 год // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/story/200608> (дата обращения: 27.01.2020).

¹⁷ Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2017 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 28.01.2020).

рассмотрения уголовных дел судами, развившихся в существенном нарушении требований уголовно-процессуального закона.

Многообразие имеющихся нарушений уголовно-процессуального законодательства не позволяет рассмотреть их все, в связи с чем мы обратим внимание лишь на некоторые из них, наиболее часто встречающиеся и относящиеся к нарушению содержания или формы обвинительного заключения:

А. Сущность обвинения, приведенная в обвинительном заключении, частично или полностью не соответствует содержанию постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Ошибки и упущения, сделанные при вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого, содержание которого должно быть спроецировано в обвинительном заключении, определяя в силу ст. 252 УПК РФ пределы судебного разбирательства, обуславливают «ущербность» обвинительного заключения. Учитывая, что суды не наделены правом дополнения предъявленного обвинения, а установление обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, является обязательным, суды не могут вынести решение по существу, в силу чего вынуждены направлять такие дела прокурорам.

Например, Оренбургским областным судом рассматривалось уголовное дело в отношении К., М., П. и С по факту совершения ими убийства потерпевшего. В ходе судебного разбирательства были установлены упущения и ошибки в текстах постановлений о привлечении в качестве обвиняемых фигурантов дела с реальными событиями произошедшего преступления (различное описание последовательности преступных действий и роли каждого обвиняемого в совершенном убийстве), а также с отражением указанных фактов в содержании обвинительного заключения. Придя к выводу о невозможности рассмотрения уголовного дела, судья вернул его прокурору¹⁸.

Б. Изложение формулировки обвинения не полностью или не в соответствии с диспозицией соответствующей статьи УК РФ.

¹⁸ Определение Верховного Суда РФ от 22 мая 2006 г. № 47-006-36 // СПС «Консультант-Плюс».

Например, рассматривая уголовное дело в отношении А.В. Прохорова, суд установил, что последний в ходе ссоры с потерпевшей нанес ей телесные повреждения, квалифицируемые по заключению эксперта как тяжкий вред здоровью, являющиеся неизгладимыми и повлекшими обезображивание ее лица, о чем было указано следователем в тексте постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В то же время в описании сущности обвинения, изложенного следователем в обвинительном заключении, указание на последствия, повлекшие обезображивание лица потерпевшей, отсутствовало. Породив у суда неопределенность, в каком преступлении и с какими признаками состава преступления обвинялся А.В. Прохоров, суд был вынужден вернуть уголовное дело прокурору¹⁹.

В. Противоречивое или неполное изложение обстоятельств в фабуле обвинения (не приведены отдельные обстоятельства преступного действия). Например, Сахалинским областным судом рассматривалось уголовное дело в отношении П., обвиняемого в совершении убийства Ш. В ходе судебного разбирательства суд выявил противоречия в описании умысла П. на убийство Ш. Возвращая уголовное дело прокурору Сахалинской области, суд указал на отсутствие в обвинительном заключении, вопреки требованиям ст. 171 и 220 УПК РФ, указания мотивов совершения убийства. В постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого П. имелись данные о возникновении умысла на убийство во время разбойного нападения на Ш., после совершения такого нападения, допущены неточности в процессе описания ударов ножницами по телу потерпевшего, следователем не конкретизировано место совершения преступления и не приведено описание каких-либо действий П., связанных непосредственно с совершением разбойного нападения²⁰. Мотив совершения преступления, место его совершения и последовательность нанесения телесных

¹⁹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 марта 2015 г. № 41-УД15-2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

²⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2007 г. № 64-Щ07-28 // СПС ГАРАНТ.

повреждений потерпевшему относятся к обстоятельствам, индивидуализирующим преступное деяние, входят в предмет доказывания по делу и подлежат обязательному установлению по каждому уголовному делу.

Г. Указание лишь источников доказательств при формировании перечня доказательств, содержащихся в обвинительном заключении. Сформированная Верховным Судом Российской Федерации правовая позиция заключается в определении перечня доказательств как краткого изложения содержания приводимых доказательств, позволяющих установить наличие или отсутствие обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ²¹. Указанная позиция основывается на положениях ст. 220 УПК РФ, требующей необходимости формулирования обвинения в отношении конкретного лица и на основании конкретных доказательств, собранных по делу.

Д. Иные нарушения: неподписание обвинительного заключения следователем, его несогласование с руководителем следственного органа, неутверждение

прокурором, отсутствие данных о месте нахождения обвиняемого, о судимостях обвиняемого, о потерпевшем и т.п. ошибки и упущения, которые встречаются в судебной-следственной практике значительно реже, они рассмотрены нами ранее.

Подводя итоги изложенному, отметим, что обвинительное заключение выступает результирующим процессуальным решением следователя на заключительном этапе расследования преступления, свидетельствующим о проведении полного, объективного и всестороннего расследования и установлении всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, указывая на наличие оснований для передачи уголовного дела в суд для рассмотрения по существу.

Конструктивное развитие процессуальной самостоятельности следственных органов наиболее обоснованно проявится в наделении руководителя следственного органа полномочиями по поддержанию государственного обвинения в случае отказа от такой поддержки прокурором.

Результаты проведенного сравнительно-правового анализа судебной практики рассмотрения уголовных дел свидетельствуют, что наиболее распространенными ошибками, препятствующими осуществлению правосудия, являлись нарушения содержания и формы обвинительного заключения.

²¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5.

Литература

1. Багмет А.М. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании / А.М. Багмет // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 57–60.
2. Багмет А.М. Утверждение обвинительного заключения прокурором: рудимент или необходимость? / А.М. Багмет, Ю.А. Цветков // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 53–55.
3. Желтобрюхов С.П. Кто должен утверждать обвинительное заключение? / С.П. Желтобрюхов // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 41–43.
4. Маслов И.В. От следственного комитета к единому органу расследования / И.В. Маслов // Законность. 2012. № 3. С. 35–41.
5. Муратова Н.Г. Процессуальная модель субъекта обвинительного заключения (история и современность) / Н.Г. Муратова // Российский следователь. 2011. № 14. С. 20–23.
6. Соловьев С.А. Процессуальная ценность обвинительного заключения на современном этапе (практический аспект) / С.А. Соловьев // Адвокатская практика. 2016. № 1. С. 28–33.
7. Цветков Ю.А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора / Ю.А. Цветков // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 14–19.
8. Цветков Ю.А. Отказоустойчивость уголовного судопроизводства в досудебной стадии / Ю.А. Цветков // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 27–31.
9. Шуваткин А.В. Обвинительное заключение и обвинительный акт в современном уголовном процессе России : диссертация кандидата юридических наук / А.В. Шуваткин. Москва, 2003. 242 с.

Проблемы совершенствования нормативного регулирования и практики применения залога как меры пресечения*

Петрухина Алсу Наилевна,

доцент кафедры юриспруденции Муромского института (филиала)
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
кандидат юридических наук
ptarek@yandex.ru

Меры процессуального принуждения являются одним из ключевых элементов, применяемых для решения задач во время уголовного судопроизводства. Принятие Федерального закона от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ поставило под сомнение одно из центральных положений современной доктрины в виде запрета на одновременное применение в отношении обвиняемого двух мер пресечения, который, как предполагается, выступает одним из главных факторов, сдерживающих практику избрания залога, и препятствует приданию ему альтернативного характера. Важным стало научное исследование возможности комбинировать залог с элементами новой, ранее неизвестной российскому законодательству меры пресечения в виде запрета определенных действий. Были выделены основные проблемы и пути их разрешения, которые предполагают отмену минимальных пределов сумм залога, корректирование целей наложения залога, статуса залогодателя, а также добавление возможности направления суммы залога на компенсацию ущерба, причиненного преступлением. Также в ходе исследования была выявлена новая проблема, связанная с возможностью расширения запретов, предусмотренных частью 6 статьи 105.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, ее дальнейшее исследование может помочь изменению практики применения мер пресечения в Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предупреждение преступлений, мера пресечения, залог, предмет залога, запрет определенных действий.

Issues of Improvement of the Statutory Regulation and the Practice of Application of Pledge as a Restriction Measure

Petrukhina Alsu N.

Associate Professor of the Department of Jurisprudence
of the Murom Institute (Branch) of the Vladimir State University
PhD (Law)

Coercive procedural measures are one of the key elements used for solving problems during criminal proceedings. The adoption of the Federal law of April 18, 2018 No. 72-FZ, questioned one of the Central provisions of the modern doctrine in the form of a ban on simultaneous use against the accused of two measures of restraint, which, as expected, is one of the main factors hindering the practice of election of the collateral, and prevents giving him an alternative character. Important was the scientific study of the possibility to combine the collateral with elements of new, previously unknown to Russian law a preventive measure in the form of prohibition of certain actions. Were highlighted the main problems and their solutions, which involve the abolition of the minimum limits of mortgage amounts, correction of the purposes of imposing collateral status of the collateral provider, as well as adding an option to the direction of the Deposit for damages, a causal crime. Also the study has revealed a new problem with the possibility of extension of the prohibitions under part 6 of article 105.1 of the criminal procedure code of the Russian Federation, its further study may help to change the practice of application of measures of restraint in the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings, prevention of crimes, preventive measure, bail, subject of bail, prohibition of certain actions.

В России сложилась достаточно своеобразная практика использования мер пресечения, когда в 95% судом применяется самая строгая мера в виде заключения под стражу¹. Изменить сложившуюся

ситуацию возможно только посредством расширения практики применения мер

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции

и мировых судей за 2013–2018 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 23.01.2020).

* Статья выполнена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

пресечения, не связанных с лишением свободы, и одной из таких мер может быть залог. Однако для этого требуется комплексное реформирование в сфере уголовного судопроизводства.

Для установления проблем был проведен опрос, в котором приняли участие работники органов предварительного следствия, а также судьи Владимирской области. Из данных опросов следует, что из всех мер пресечения, которые применяются в судебном порядке, используются в основном заключение под стражу и домашний арест, применение залога носит единичный характер². Из опроса практических работников выделяются проблемы, из-за которых залог как мера пресечения применяется редко: это риск побега обвиняемого или подозреваемого, отсутствие практики применения, сложности законодательного регулирования, а также завершенность сумм залога. Эффективность залога как меры пресечения работниками суда и органов предварительного следствия оценивается не слишком высоко. А нововведение Федерального закона № 72-ФЗ в виде новой меры пресечения и возможности применения ее положений при использовании залога и домашнего ареста практические работники оценили положительно. Отметим, что относительно вопроса о судьбе суммы залога в случае нарушения его условий мнения судей оказались достаточно консервативными и сошлись на том, что его следует зачислять в пользу государства. При назначении залога, исходя из данных, полученных при опросе, предлагается проверять причастность залогодателя к преступлению, а также факт возмещения вреда.

Таким образом, можно отметить положительный момент того, что на территории Владимирской области применяется не только заключение под стражу, но и его достаточно сложная с технической стороны альтернатива в виде домашнего ареста. Указанные проблемы, связанные с применением залога, считаем возможным преодолеть следующим образом. Относительно проблемы риска, связанного с побегом, следует учитывать, что, согласно ч. 4 ст. 15 Федерального закона

№ 72-ФЗ³, лица, в отношении которых ведется уголовное судопроизводство, не могут выезжать за пределы Российской Федерации, а также тот факт, что в случае побега, согласно ч. 3 ст. 78 Уголовного кодекса РФ (УК РФ)⁴, течение сроков давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия или суда. Исполнение данных положений полностью исключает возможность уклонения лица от правосудия. В случае если лицу все же удалось покинуть территорию России, неотвратимость правосудия должны обеспечить договоры о выдаче, такие как: Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г. (с доп. протоколами 1975, 1978, 2012 гг.); Договор между Российской Федерацией и Республикой Ангола о выдаче от 31 октября 2006 г.; Договор между Российской Федерацией и Демократической Социалистической Республикой Шри-Ланка о выдаче от 28 мая 2015 г. и др.⁵. Дальнейшее расширение соглашений подобного рода поможет гарантировать осуществление правосудия.

Вопрос относительно размера залога считаем возможным решить посредством отмены его минимальных пределов. Как справедливо отмечает Ю.В. Царева, хотя нововведения Федерального закона № 72-ФЗ можно воспринимать только как положительные, для того, чтобы залог стал реальной альтернативой более строгой мере пресечения, следует исключить его минимальные пределы⁶. Положительное отношение к нововведениям Федерального закона № 72-ФЗ говорит о том, что законодатель достаточно хорошо понимает практиков. Следует заметить, что, исходя

³ Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (с изм. и доп. от 27.01.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Перечень международных договоров Российской Федерации по вопросам правовой помощи и правовых отношений по гражданским, семейным, уголовным и иным делам. URL: <https://minjust.ru/>

⁶ Царева Ю.В. Залог в системе мер уголовно-процессуального пресечения // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 167.

² В опросе приняло участие 150 сотрудников правоохранительных органов.

из истории становления этой меры пресечения, можно с уверенностью сказать, что наличие минимальных пределов российского залого не свойственно. В Уставе уголовного судопроизводства от 1864 г. залог как мера пресечения на момент досудебной стадии регулировался ст. 416, 418, 423–428⁷. Заключался он в предоставлении подозреваемым, обвиняемым или иным лицам денег или движимого имущества, гарантируя, таким образом, свое добросовестное поведение на досудебной стадии. Сумма залога определялась судебным следователем, при этом учитывались строгость наказания и состояние залогодателя. Однако минимальная сумма не могла быть меньше, чем вред, причиненный потерпевшему.

Стоит также отметить, что в связи с последними изменениями суд также для решения целей уголовного судопроизводства может избирать дополнительные запреты, которые предусмотрены ч. 6 ст. 105.1 настоящего кодекса. Эти запреты призваны индивидуализировать меру пресечения для каждого конкретного случая для ее более эффективного применения⁸. В то же время можно предположить, что при наличии дополнительных запретов появляется возможность на усмотрение суда балансировать их с размером суммы залога и, таким образом, сделать залог как более мягкую меру более доступным.

Вопрос о судьбе суммы залога достаточно сложный, так как сильно влияет на интерес данной меры для стороны защиты, однако возможность зачисления залога в счет погашения вреда, причиненного преступлением в случае вынесения обвинительного приговора, могла бы разрешить проблемы с возмещением ущерба. М.В. Зяблина указывает на то, что в российском действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует эффективный механизм возме-

ния вреда потерпевшим от преступлений, и принятие данных мер представляется оправданным⁹.

Для реализации этого на практике следует ввести:

а) новую ч. 2.1 в ст. 106 УПК РФ следующего содержания:

«2.1. При избрании залога по уголовному делу о преступлении, повлекшем причинение материального ущерба, залогодатель, в качестве которого выступает иное физическое или юридическое лицо, обязан письменно подтвердить свое согласие на обращение внесенного им залога в счет возмещения материального ущерба, если на момент вступления в законную силу обвинительного приговора в отношении лица, к которому применен залог, он не будет погашен»;

б) частью 9.1 следующего содержания:

«9.1. По уголовным делам о преступлениях, повлекших причинение материального ущерба, после вступления обвинительного приговора в законную силу залог, внесенный обвиняемым (подозреваемым) либо иным физическим или юридическим лицом, подлежит взысканию в счет погашения материального ущерба, если к этому моменту он не будет погашен»¹⁰;

в) частью 11 следующего содержания:

«11. Орган, в производстве которого находится уголовное дело, решает вопрос о возвращении залога залогодателю, если в ходе предварительного расследования либо судебного разбирательства мера пресечения в виде залога отменяется или изменяется по основаниям, не связанным с нарушением подозреваемым либо обвиняемым принятых в связи с избранием залога обязательств».

Указанные дополнения позволяют обращать залог в случае вынесения обвинительного приговора для погашения материального ущерба. Необходимо подчеркнуть, что дополнительные проверки и условия при избрании залога могут

⁷ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 8: Судебная реформа / отв. ред. тома Б.И. Виленский. М. : Юрид. лит., 1991. С. 496.

⁸ Загвоздкин Н.Н., Кузора С.А. Запрет определенных действий. Анализ правоприменительной практики // Закон и право. 2018. № 12. С. 85.

⁹ Зяблина М.В. К вопросу об обеспечительных возможностях залога в уголовном процессе // Судья. 2017. № 4. С. 40.

¹⁰ Соговоркой, что возмещение ущерба не может приравниваться к смягчающему наказанию обстоятельству, предусмотренному п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, поскольку не связано с законопослушным поведением обвиняемого и его личной инициативой.

усложнить процедуру его применения, что сразу снизит его привлекательность.

Интересен также в этом аспекте опыт стран ближнего и дальнего зарубежья. Так, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК РБ)¹¹ предусматривает залог статьей 124 УПК РБ. В Украине залог регламентируется согласно ст. 176 Уголовно-процессуального кодекса Украины¹². Статья 145 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан¹³ также предусматривает возможность применения залога. Во всех вышеперечисленных странах на предмет залога судом может быть обращено взыскание для компенсации вреда, который был причинен преступным деянием.

Во Франции есть такое понятие, как судебный контроль (*contrôle judiciaire*), который закреплен в ст. 138 Уголовно-процессуального кодекса Франции¹⁴. На обвиняемого налагаются определенные ограничения, в том числе и залог, который является одной из мер судебного контроля и зачастую применяется совместно с другими мерами. Денежные средства, которые были переданы обви-

няемым в качестве залога, могут быть по решению суда или без решения суда при согласии обвиняемого направлены на компенсацию причиненного преступным деянием ущерба или оплату штрафов. Следует заметить, что залог при таком положении согласно ст. 142–142-3 УПКФ подлежит делению на две части. Первая часть возвращается обвиняемому, если он добросовестно выполнял возложенные на него обязанности по явке в суд, а вторая возвращается только при условии, что не требуются выплаты жертве преступления, алиментарные выплаты или погашение штрафов¹⁵.

Итак, учитывая нововведения Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, который добавил возможность использования запретов, закрепленных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, при избрании залога стало возможным регулировать строгость действия залога как меры пресечения не только размером его суммы, а также налагая дополнительные запреты. За счет этого, в случае когда орган предварительного расследования считает необходимым применить к подозреваемому, обвиняемому домашний арест, суд, исследовав предоставленные материалы, сможет уравновесить как интересы личности, так и интересы уголовного судопроизводства. Впоследствии, в случае отмены минимальных сумм залога, может появиться возможность персонализировать условия залога в каждом конкретном случае, а также повысить доступность рассматриваемой меры пресечения.

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-з (с изм. и доп. от 29.10.2018). URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 15.01.2020).

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI (с посл. доп. и изм. от 24.04.2018). URL: <http://kodeksy.com.ua> (дата обращения: 15.01.2020).

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. от 12.07.2018). URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 15.01.2020).

¹⁴ Code de procédure pénale (France) от 31 декабря 1957 г. № 57-1426 (с изм. и доп. от 01.03.2019). URL: www.legifrance.gouv.fr (дата обращения: 15.01.2020).

¹⁵ Bertrand, Julien Marie Ernest. De la détention préventive et de la célérité dans les procédures criminelles. *Generic*. 2019. P. 52–53.

Литература

1. Загвоздкин Н.Н. Запрет определенных действий. Анализ правоприменительной практики / Н.Н. Загвоздкин, С.А. Кузора // Закон и право. 2018. № 12. С. 84–86.
2. Зяблина М.В. К вопросу об обеспечительных возможностях залога в уголовном процессе / М.В. Зяблина // Судья. 2017. № 4. С. 39–41.
3. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах / под общей редакцией О.И. Чистякова. Т. 8. Судебная реформа / ответственный редактор тома Б.И. Виленский. Москва: Юридическая литература, 1991. 495 с.
4. Царева Ю.В. Залог в системе мер уголовно-процессуального пресечения / Ю.В. Царева // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 162–168.
5. Bertrand, J.M.E. De la détention préventive et de la célérité dans les procédures criminelles / J.M.E. Bertrand. *Generic*, 2019. 124 p.

Этические аспекты дружеских отношений судьи в контексте обеспечения его беспристрастности*

Яшина Анна Александровна,

доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности
Российского государственного университета правосудия (РГУП),
кандидат юридических наук
yaaa_pgu@mail.ru

В статье рассматриваются этические вопросы влияния дружеских отношений судей как в реальной жизни, так и в социальных сетях на их служебную деятельность, проводится анализ нормативной базы, регулирующей указанные отношения, а также предлагаются рекомендации по соблюдению стандартов судейского поведения для обеспечения «видимости беспристрастности» судей.

Ключевые слова: судейская этика, Кодекс судейской этики, межличностные отношения, дружба судей, цифровая этика.

Ethical Aspects of Friendly Relations of a Judge from the Standpoint of Securing His/Her Impartiality

Yashina Anna A.

Senior Lecturer of the Department of Organization of Judicial
and Law Enforcement Activities of the Russian State University of Justice (RSUJ)
PhD (Law)

The article deals with ethical issues of the influence of friendly relations of judges, both in real life and in social networks, on their official activities, analyzes the regulatory framework governing these relations, and offers recommendations on compliance with standards of judicial behavior to ensure the 'appearance of impartiality' of judges.

Keywords: judicial ethics, Code of judicial ethics, interpersonal relations, friendship of judges, digital ethics.

Этические стандарты, регулирующие поведение судей в служебной и неслужебной деятельности, распространяют свое действие на их дружеские отношения¹. Вместе с тем имеется ряд нерелевантных дилемм. Например, должен ли судья заявить самоотвод, если его «друзья» в социальных сетях предстанут перед ним в судебном процессе? Является ли наличие дружбы или вражды между судьей и стороной по делу основанием для отвода?

Необходимость соблюдения судьями стандартов беспристрастности при-

знана нормами международных актов², среди которых важное место занимают Бангалорские принципы поведения

¹ Термины «дружба», «знакомство», «приятельство», «товарищество» по своему содержанию различны, что имеет важное значение для установления беспристрастности судьи.

² Заключение Консультативного совета европейских судей для Комитета Министров Совета Европы № 3 (2002) «О принципах и правилах, регулирующих профессиональное поведение судей, в частности, этические нормы, несовместимое с должностью поведение и беспристрастность»; Заключение Консультативного совета европейских судей (КСЕС) № 21 (2018) «Предотвращение коррупции среди судей»; Сборник заключений и отчетов Венецианской комиссии относительно судов и судей (2015); Лондонская декларация по судебной этике «Судебная этика: принципы, ценности и качества» (2010); Глобальный кодекс судебной этики, принятый в ходе международной конференции, посвященной вопросу независимости судей, которая состоялась в Болонском и Миланском университетах (2015); и др.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00672.

судей³. В большинстве зарубежных стран регулирование обязанности судьи по соблюдению данного принципа, как правило, вынесено за пределы процессуальных кодексов и осуществляется специальными этическими документами (Франция, Шотландия, США, Нигерия и др.). В России принцип судейской беспристрастности провозглашается в ст. 9 Кодекса судейской этики⁴. Следует отметить, что указанные этические требования к поведению судей в полном объеме распространяются на их присутствие в Интернете.

Презюмируется, что судья является беспристрастным при разрешении им дела по существу. В связи с этим он должен быть осмотрительным, в том числе в отношении контактов с юристами, практикующими свою деятельность в суде.

Дружеское общение между работниками судейского корпуса, правоохранительного сектора⁵ и адвокатуры является давней и заслуживающей уважения традицией. Поскольку судьи живут не в вакууме, а в реальном мире, приняв на себя бремя судейской должности, они не могут и не должны разрывать все связи с юридическим миром. Как справедливо отмечается в Комментариях к Бангалорским принципам, «изолированность судей от общества, в том числе от своих друзей, бывших сослуживцев, а также коллег из числа юристов, неблагоприятно сказалась бы и на юридическом процессе»⁶.

Анализ международных документов, актов судейского сообщества в России и за рубежом позволяет сделать вывод, что в настоящее время не существует этических норм, прямо запрещающих

судьям выстраивать взаимоотношения с другими юристами, поскольку такие социальные контакты считаются полезными. Однако судье рекомендуется избегать прямой связи с отдельными членами профессии, занимающимися делами, находящимися на рассмотрении у данного судьи⁷, а также предупреждать ситуации, вызывающие обоснованное подозрение в проявлении фаворитизма или пристрастности⁸. Эта этическая обязанность исключает какие-либо взаимоотношения, создающие у разумного стороннего наблюдателя впечатление, что юрист может оказать влияние на судью. Например, судью районного суда Тамбовской области лишили судейских полномочий, в связи с тем, что он в процессах оказывал предпочтение своему другу-адвокату и представляемой им стороне⁹.

Кроме того, личная дружба судьи со стороной по делу обычно рассматривается как веская причина для отвода¹⁰. Примером возникновения сомнений в беспристрастности служит кассационное определение Верховного суда Республики Дагестан¹¹, согласно которому отвод был заявлен в связи с доброжелательными соседскими отношениями с судьей.

Учитывая взаимосвязь этики с философией и психологией, представляется, что проблему влияния межличностных отношений судьи на его беспристрастность следует рассматривать через призму указанных наук¹². В психологии

³ Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (дата обращения: 22.02.2020).

⁴ Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.) (ред. от 08.12.2016) // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.

⁵ Черемисина Т.В. Этические аспекты взаимодействия следователя и суда // Российский судья. 2019. № 7. С. 45–50.

⁶ Комментарий к Бангалорским принципам. URL: https://www.unodc.org/res/ji/import/international_standards/measures_implementation/measures_implementation_russian.pdf (дата обращения: 11.12.2019).

⁷ Bologna and Milan Global Code of Judicial Ethics (2015). URL: <http://www.jiwp.org/#!global-code-of-judicial-ethics/c1dnr>

⁸ Там же.

⁹ Квартирный вопрос и друг-адвокат: в ВККС прошел еще один день жалоб. URL: <https://pravo.ru/story/212039/> (дата обращения: 10.06.2019).

¹⁰ Miller, J.M. Judicial Recusal and Disqualification: The Need for a Per Se Rule on Friendship (Not Acquaintance), 33 Pepperdine L. Rev. 2012. P. 575–578.

¹¹ Кассационное определение Верховного суда Республики Дагестан от 27 июля 2011 г. по делу № 33-1711 // СПС «КонсультантПлюс», 2020.

¹² Носков Ю.Г. Основы судейской этики: учебное пособие / Ю.Г. Носков, И.Ю. Носков; Рос. гос. ун-т правосудия. М.: РГУП, 2017. С. 8–9; Тулицына Е.А. Теоретическое исследование понятия межличностных отношений // В сб.: Фундаментальные и прикладные научные исследования: по материалам I Междуна-

традиционно выделяют пять основных видов взаимоотношений: знакомство, товарищество, приятельские отношения, дружба, любовь.

— *Знакомство*. В эту категорию входит очень большое количество людей, которые знакомы с судьей исключительно визуально, с которыми судья ни разу не вступал в диалог или участвовал в судебном процессе.

— *Товарищество*. Люди объединены совместной целью, их общение нацелено на ее достижение. К этой категории можно отнести практикующих юристов, адвокатов, прокуроров, часто выступающих в суде, членов судейского корпуса.

— *Приятельские отношения*. Данный вид основан на взаимной привязанности и обоюдном желании людей поддерживать отношения, тяге к совместному времяпровождению (доброжелательные контакты с различными людьми во внеслужебной деятельности, не предполагающие близких или систематических отношений).

— *Дружба*. Личные бескорыстные взаимоотношения, основанные на общности интересов, взаимном уважении, взаимопонимании и взаимопомощи; предполагает личную симпатию, посещение семейных мероприятий, привязанность и затрагивает наиболее душевные стороны человеческой жизни.

— *Любовные отношения*. Семейные, родственные и (или) романтические отношения, предполагающие большую степень близости по сравнению с иными видами контактов.

При этом влияние межличностных отношений на беспристрастность судьи будет зависеть от многих социально-психологических параметров: расстояния между субъектами или степени их психологической близости; оценки отношений (позитивной, негативной, противоречивой, безразличной); по-

зиции сторон (доминирование, зависимость, равенство); степени знакомства¹³.

Следует отметить, что не все виды межличностных отношений судей обязательно должны приводить к отводу. В Заявлении о принципах судебной этики шотландской судебной власти установлено, что «дружба отличается от простого знакомства, которое может и не быть достаточной причиной для отвода, в зависимости от характера и степени такого знакомства»¹⁴, при этом веским основанием для самоотвода будет являться личная дружба или враждебность к участнику судебного процесса. Кроме того, судьи должны отстранить себя от участия в деле, в котором их адвокат, бухгалтер, врач, стоматолог или другой профессиональный консультант является стороной¹⁵.

Пункт 8 ст. 341 Гражданского процессуального кодекса Франции закрепляет, что отвод судье может быть заявлен в случае, «если между судьей и какой-либо из сторон существуют очевидные дружеские или неприязненные отношения». В статье L.111-6 Кодекса судебной этики Франции перечислено 9 случаев отвода, при этом «известная дружба или вражда между судьей и одной из сторон» указана как требующая более субъективной оценки ситуации.

Согласно правилу 2.11(a)(2) Типового кодекса поведения судей США судьи должны заявить самоотвод, если их беспристрастность можно обоснованно поставить под сомнение, в том числе в тех случаях, когда супруг судьи, или его домашний партнер¹⁶, или кто-то из их

родной научно-практической конференции. 2018. С. 79–85; Кушова И.А., Полуян Н.Н., Москвин А.С. Понятие «дружба» и проблема дружеских отношений в системе современных межличностных коммуникаций // Вестник гуманитарного образования. 2016. № 1. С. 81–84; Клепцова Е.Ю. Виды межличностных отношений // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2-2. С. 382–387.

¹³ Крысько В.Г. Социальная психология : курс лекций / В.Г. Крысько. 3-е изд. М. : Омега-Л, 2006. С. 60.

¹⁴ Statement of principles of Judicial ethics for the Scottish Judiciary (2016). URL: <http://www.scotland-judiciary.org.uk/Upload/Documents/StatementofPrinciplesofJudicialEthicsrevisedDecember2016.pdf> (дата обращения: 28.10.2019).

¹⁵ Бурдина Е.В. Петухов Н.А., Яшина А.А. Судейская этика: международные акты и кодексы зарубежных стран. М., 2019.

¹⁶ Домашнее партнерство — социальный институт, в котором могут быть признаны государством отношения двух людей, не желающих или не имеющих возможности по закону зарегистрировать брак. Конкретная терминология для обозначения таких союзов различается в разных государствах. URL: <https://ru.wikipedia>.

родственников являются адвокатом или стороной в разбирательстве¹⁷.

Комитет по профессиональной этике Американской ассоциации юристов (далее по тексту — Комитет)¹⁸ поясняет, что к ситуациям, выходящим за рамки правила 2.11(a)(2), относятся случаи, когда судьи могут иметь «социальные или близкие личные отношения с юристами или сторонами» не в качестве супруга, домашнего партнера или другого члена семьи. Комитет выделяет три категории таких отношений между судьями и представителями юридической профессии: знакомство, приятельские отношения, романтические отношения.

Таким образом, следуя логике правила 2.11(a)(2), Комитет пришел к выводу, что судьи не обязаны заявлять самоотвод или раскрывать информацию сторонам, если они *просто знакомы* с юристом, адвокатом. Например, будучи членами одного и того же культурного места, спортивного зала или гражданской организации. Как подчеркнул Европейский суд по правам человека, тот факт, что судья обладает некоторыми личными знаниями об участнике разбирательства, не обязательно означает, что судья будет предубежден в пользу этого лица¹⁹.

Следует полагать, что *приятельские отношения* подразумевают большую степень близости. Приятели могут быть случайными (периодически встречаясь за едой, оставаясь на связи через переписку) или более близкими (регулярно проводя время вместе, разделяя наставнические отношения). В этом случае не все приятельские отношения требуют самоотвода, но могут возникнуть ситуации, «в которых отношения судьи с юри-

стом или стороной настолько тесны», что могут возникнуть разумные вопросы о беспристрастности судьи. Это вопрос социально-психологических параметров таких отношений.

Наконец, Комитет отмечает, что судья может иметь *романтические отношения* с юристом или желать романтики; судья и юрист могут быть бывшими супругами; или судья может быть крестным отцом для ребенка адвоката и т.д. Существующие или желаемые романтические отношения требуют самоотвода: «иные интимные или близкие личные отношения с юристом или стороной» как минимум требуют раскрытия для сторон даже в том случае, если судья считает, что он может действовать беспристрастно.

Представляется интересным вопрос об этической стороне добавления пользователей «в друзья» в социальных сетях. Сегодня эта тема является довольно обсуждаемой как в России, так и во многих зарубежных правовых порядках.

Например, у судьи в Техасе есть страница в Facebook, которую она использует для друзей-юристов. Судья «обходит» этические правила путем обращения к последним с просьбой *‘de-friend’*²⁰, если они участвуют в судебных процессах под ее председательством. Когда дело будет рассмотрено, они вновь могут «подружиться»; французский прокурор и судья, используя псевдонимы в Twitter, обменивались мнениями о судебном разбирательстве, в котором они участвовали, вследствие чего подверглись дисциплинарным взысканиям²¹; в США судья получил выговор за то, что они с адвокатом обменивались в Facebook комментариями о предстоящем судебном процессе²².

В настоящее время как на международном уровне, так и в зарубежных странах не сложилась единая концепция этики межличностных отношений судей

org/wiki/Гражданское_партнерство (дата обращения: 08.02.2020).

¹⁷ Model Code of Judicial Conduct 1983. URL: https://www.americanbar.org/groups/professional_responsibility/publications/model_code_of_judicial_conduct/model_code_of_judicial_conduct_canon_2/rule2_11disqualification/ (дата обращения: 04.02.2020).

¹⁸ Американская ассоциация юристов (англ. American Bar Association, ABA) (ААЮ) — национальное объединение юристов США и других стран мира.

¹⁹ Пуллар против Соединенного Королевства (Pullar v. the United Kingdom): Постановление Европейского суда по правам человека от 10 июня 1996 г. (жалоба № 22399/93).

²⁰ de-friend — удалить из списка своих «друзей» в социальной сети.

²¹ Le Monde journal (29.04.2014). URL: http://www.lemonde.fr/societe/article/2014/04/29/pour-lecsm-un-magistrat-ne-doit-pas-tweeter-en-plein-proces_4409355_3224.html (дата обращения: 15.08.2019).

²² Browning, J.G. Why Can't We Be Friends? Judges' Use of Social Media, 68 U. Miami L. Rev. 487. 2014. P. 502–503.

в социальных сетях. Следует отметить, что на территории США органы судебного сообщества по-разному подходят к решению данного вопроса. При анализе заключений этических комиссий в американских штатах можно условно выделить три подхода к разрешению данной проблемы: жесткий, умеренный и либеральный.

Жесткий подход позволяет судье добавлять в «друзья» других юристов только в случае, если они не могут потенциально стать у него участниками процессов (Флорида, Массачусетс, Оклахома и Коннектикут). В.В. Момотов отмечает, что «вряд ли такая позиция может быть в полном объеме перенесена «на российскую почву». Тем не менее рекомендуется российским судьям перепроверить списки «друзей» и ввести жесткую «френд-политику» на своих страничках²³.

Согласно *умеренному* подходу достаточно убедиться, что человек, подавший заявку на включение в список «друзей», не участвовал ранее и не участвует на данный момент в судебных делах под председательством этого судьи (Калифорния).

Либеральный подход предполагает, что друзья в социальных сетях в своей основе не являются таковыми в реальной жизни, поэтому добавление в «друзья» даже участника процесса никак не может повлиять на отправление правосудия (Нью-Йорк, Кентукки, Южная Каролина и Огайо).

При этом ни одно заключение по этике не дает судьям четких рекомендаций по таким вопросам: кто может быть «другом» судьи в социальных сетях и должен ли судья раскрывать онлайн-контакты для участников процесса²⁴. Для того чтобы применить стандарты «видимости беспристрастности» к связям судей в социальных сетях, следует иметь представление об «онлайн-дружбе», так как «друг» в социальной сети может и не быть другом в традиционном смысле

этого слова²⁵. Следовательно, «дружба» в сети может фактически означать простое знакомство, которое само по себе не является основанием для отвода.

Таким образом, полный запрет на «дружбу» в Интернете может охватить широкий круг лиц, общение с которыми в реальном мире не послужило бы основанием для отвода. Как отмечается в Бангалорских принципах, «такие частые отводы неизбежно приведут к неоправданному бремени для коллег судьи, а также могут вызвать недовольство в судебном корпусе»²⁶.

При этом Калифорнийский комитет по судебной этике определил ряд факторов для рассмотрения вопроса о проявлении неэтичного поведения, таких как: характер конкретной страницы в социальных сетях; количество друзей у судьи (с меньшим числом, предполагающим более тесные отношения); практика судьи в отношении принятия просьб о «дружбе»; как регулярно конкретный «друг» — юрист предстает перед судьей в процессе²⁷. Этот подход был подтвержден официальным мнением Комитета по этике ААЮ, в котором говорится, что «контекст имеет важное значение. Контакт в социальных сетях сам по себе не указывает на степень или интенсивность отношений судьи с человеком²⁸». Аналогичную позицию занял Аргентинский апелляционный суд по трудовым делам, который установил, что дружба не может обосновываться только «дружбой» в социальной сети²⁹.

²⁵ NCSC, supra at 27. U.S. judicial ethics opinions on Facebook 'friendship' are divided. J.G. Browning, supra at 15. P. 510–527. For U.S. courts' views, see. P. 491–497, 507–509, 527–532.

²⁶ Комментарий к Бангалорским принципам. URL: https://www.unodc.org/res/ji/import/international_standards/measure_implementation/measure_implementation_russian.pdf (дата обращения: 11.12.2019).

²⁷ Blitsa, Dimitra & Papatthanasou, Ioannis & Salmanli, Maria (2015). Judges & Social Media: Managing the Risks. SSRN Electronic Journal. 10.2139/ssrn.2634043

²⁸ Formal Opinion 462. February 21, 2013 Judge's Use of Electronic Social Networking Media. URL: <http://file:///C:/Users/123/Documents/ЭТИКА%20СУДЕЙ/2013%20Судья%20и%20Социальные%20сети%20Америка%20.pdf> (дата обращения: 21.06.2019).

²⁹ Facebook friends are not 'close friends'. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=09057c93-22db-41bc-b5a4-4bb11c9a4e0d&filterId=f1c38908-b9cf-400c-836b-028b19766a3f>

²³ Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова на втором заседании клуба имени Замятнина по теме «Судья и социальные сети». URL: <http://sta.ssrif.ru/page/28718/detail/>

²⁴ Cooper, Benjamin P. USA: Saving Face — Ethical Considerations for American Judges Using Facebook // Legal Ethics. 2015. № 17 (1). P. 148–152.

В свете вышеизложенного мы приходим к следующим выводам:

— на данном этапе развития деонтологии профессионального поведения доктрина этики межличностных отношений судей, в контексте их беспристрастности, как на международном, так и на национальном уровнях еще не сложилась;

— не все виды межличностных отношений судей, в том числе с юристами, должны обязательно приводить к отводу. При оценке ситуации необходимо учитывать социально-психологические параметры взаимоотношений;

— при наличии любовных, семейных, дружеских (или враждебных) отношений со стороной судья должен сообщить об этом участникам и заявить самоотвод;

— можно условно выделить три подхода к установлению влияния «дружбы» в социальных сетях на судебскую бес-

пристрастность: жесткий, умеренный и либеральный;

— «дружбу» в социальных сетях не следует понимать в традиционном смысле слова. Необходимо введение четких правил для судей, отражающих общее понимание «дружбы» в Интернете. Судья обязан раскрывать информацию о такой «дружбе», даже если он считает, что нет оснований для отвода. Данная ситуация требует индивидуального подхода, и прежде всего оценки характера и степени близости отношений;

— члены судебных органов должны иметь социальный контакт с юристами, в том числе и в онлайн-сетях, при условии проявления надлежащей степени осмотрительности, для того чтобы не нарушать судебские ценности беспристрастности, честности и добропорядочности, репутацию свою и судебной власти в целом.

Литература

1. Бурдина Е.В. Судейская этика как средство предотвращения коррупционных проявлений в деятельности судов / Е.В. Бурдина // Российский судья. 2019. № 12. С. 51–55.
2. Бурдина Е.В. Судейская этика: международные акты и кодексы зарубежных стран / Е.В. Бурдина, Н.А. Петухов, А.А. Яшина. Москва : РГУП, 2019. 416 с.
3. Клепцова Е.Ю. Виды межличностных отношений / Е.Ю. Клепцова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2-2. С. 382–387.
4. Крысько В.Г. Социальная психология : курс лекций / В.Г. Крысько. 3-е изд. Москва : Омега-Л, 2006. 352 с.
5. Кушова И.А. Понятие «дружба» и проблема дружеских отношений в системе современных межличностных коммуникаций / И.А. Кушова, Н.Н. Полуян, А.С. Москвин // Вестник гуманитарного образования. 2016. № 1. С. 81–84.
6. Носков Ю.Г. Основы судейской этики : учебное пособие / Ю.Г. Носков, И.Ю. Носков. Москва : РГУП, 2017. 142 с.
7. Тупицына Е.А. Теоретическое исследование понятия межличностных отношений / Е.А. Тупицына // Фундаментальные и прикладные научные исследования : по материалам I Международной научно-практической конференции (г. Анапа, 15 июня 2018 г.) / ответственный редактор Е.Н. Скорикова. Анапа : НИЦ ЭСП, 2018. С. 79–85.
8. Черемисина Т.В. Этические аспекты взаимодействия следователя и суда / Т.В. Черемисина // Российский судья. 2019. № 7. С. 45–50.
9. Blitsa, D. Judges & Social Media: Managing the Risks / D. Papathanasiou Blitsa, M. Ioannis & Salmanli // SSRN Electronic Journal. 2015. 10.2139/ssrn.2634043
10. Browning, J.G. Why Can't We Be Friends? Judges' Use of Social Media / J.G. Browning // University Of Miami Law Review. 2014. Vol. 68. P. 487–503.
11. Cooper, B.P. USA: Saving Face-Ethical Considerations for American Judges Using Facebook / B.P. Cooper // Legal Ethics. 2014. Vol. 17/1. P. 148–152.
12. Miller, J.M. Judicial Recusal and Disqualification: The Need for a Per Se Rule on Friendship (Not Acquaintance) / J.M. Miller // Pepperdine Law Review. 2006. Vol. 33. P. 575–578.

Защита жертв домашнего насилия: опыт Латинской Америки для России

Ключников Андрей Юрьевич,

судья Правобережного районного суда города Липецка,
доцент кафедры конституционного и международного права
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал),
кандидат юридических наук
andrew19871961@mail.ru

В статье исследуется подход стран Латинской Америки в профилактике и борьбе с домашним насилием. Выявлен комплексный подход законодателя в нормативном закреплении института. Актуальная модель основана на совокупности организационных, гражданско- и уголовно-правовых мер. В качестве положительных черт автор выделяет обязательную профессиональную подготовку участников процесса о домашнем насилии, допуск специалистов-психологов на стадии проверки сообщения о преступлении, гарантии защиты от экономического насилия, комплекс временных защитных мер.

Ключевые слова: домашнее насилие, права человека, гендерные различия, брак, семья, судопроизводство.

Protection of Victims of Domestic Violence: The Latin American Experience for Russia

Klyuchnikov Andrey Yu.

Judge of the Pravoberezhny District Court of Lipetsk
Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch)
PhD (Law)

The article examines the approach of Latin American countries in the prevention and control of domestic violence. The complex approach of the legislator in normative fixing of Institute is revealed. The current model is based on a set of organizational, civil and criminal measures. As positive features the author identifies the mandatory training of process participants about domestic violence, the tolerance psychologists at the stage of verification of reports of crime, security from economic violence, a range of temporary protective measures.

Keywords: domestic violence, human rights, gender differences, marriage, family, legal proceedings.

Подход к профилактике и борьбе с домашним насилием в странах Латинской Америки оригинален, имеет глубокие исторические корни. Здесь отсутствует единообразное регулирование, поэтому для оценки эффективности модели необходимо исследовать совокупность национальных норм и правил.

В Испании домашнее насилие — распространенное явление, государство является лидером по числу убийств женщин среди стран Европейского союза (ЕС). Период диктатуры генерала Франсиско Франко (1939–1975), когда государство было «тоталитарным инструментом служения целостности Роди-

ны, семьи»¹, способствовал укреплению дискриминации. Женщины практически исключались из общественной жизни, не могли работать без разрешения мужа или отца. За непослушание супруг был вправе «воспитывать» женщину; за применение контрацептивов, прерывание беременности предусматривались тюремные сроки.

Знаковым событием, изменившим общественное сознание, стало жестокое убийство в 1997 г. 60-летней А.О. Руис, матери восьмерых детей, совершенное

¹ Arias, J., Garcia, A.V. Un centenar de personas despiende entre aplausos el ataúd de la mujer quemada viva por su ex marido // El País. 1997. P. 112.

ее бывшим супругом вскоре после телевизионного интервью. Она призналась в систематических в течение 40 лет побоях, попытках изнасиловать одну из дочерей. 13 дней спустя бывший муж привязал ее к стулу, облил бензином и поджег. Убийство потрясло испанскую общественность, породило массовые дискуссии о необходимости системных решений.

Законодатель столкнулся с препятствиями в виде традиций патриархальной семьи, стереотипным восприятием женщины как потенциальной жертвы, культом сильного мужчины (мачо). Официальная статистика, которую стали вести с 2003 г. по категории «домашнее насилие», показала, что от рук супругов (сожителей) ежегодно погибает около 70 человек. И лишь в 2018 г. зафиксировано снижение до 47 смертельных случаев².

Терминологически интересен подход к домашнему насилию в Гватемале, где он толкуется расширительно. Здесь это любые действия, совершаемые с применением насилия и издевательств безотносительно половых различий в отношении сожителя, которые автоматически предполагают запрет на приближение к потерпевшей, включая экономическое насилие (неуплата алиментов). В Мексике, Венесуэле особый акцент сделан на усилении защиты от сексуального насилия в любых формах физического, психологического принуждения, угроз, произвольного лишения свободы.

Законодатель учел тенденцию изменения способа организации домашнего очага, гарантирует даже защиту от лиц, не проживающих с жертвой (сожитель, бывший партнер)³.

Новый инструмент противодействия домашнему насилию — создание специальных судов по делам о насилии в отношении женщин (*Juzgados de Violencia sobre la Mujer*) со смешанной (уголовной, гражданской) компетенцией. При выне-

сении приговора суд вправе возложить на виновного гражданские обязанности — пройти курс психологической терапии, на срок от 30 до 60 дней определить порядок пользования общей квартирой супругов, общения с детьми, назначить временные алименты.

Однако Amnesty International указал на их низкую эффективность ввиду рассмотрения большинства дел в особом порядке судебного разбирательства, отсутствие компетенции по незащищенным социальным группам — лиц с психическими отклонениями, инвалидов. Окружной суд г. Мадрида в постановлении от 31 мая 2016 г. указал, что «суды о насилии должны быть компетентны всегда, когда факты свидетельствуют о стремлении сторон союза к доминированию и насильственному достижению определенных выгод, а не только при дискриминации женщин».

В Португалии для допуска к рассмотрению дел о домашнем насилии судьи проходят специальные программы. В структуре Национальной прокуратуры существует должность прокурора по делам о насилии. На стадии следствия и в судах участвуют адвокаты, прошедшие переподготовку. Бюджетом предусмотрены ассигнования на строительство мест временного пребывания жертв насилия («гонимых женщин»), акции по борьбе с насилием в семье.

Проблемой системы профилактики выступают случаи лжесвидетельствования, отказа от первоначальных заявлений: таким способом здесь стараются получить развод с максимальными выгодами, единоличную опеку над ребенком, право на жилье, социальные пособия⁴. В Венесуэле существует опыт привлечения специалистов-психологов Национального центра по делам о насилии уже на стадии проверки сообщения о преступлении.

Число составов преступлений о домашнем насилии постоянно растет. Уголовный кодекс Испании предусматривает нормы об ответственности за

² Chirinos Rivera, S. La ley de medidas de protección integral contra la violencia de género. Valencia, 2010. P. 13.

³ Carranco, R., Ceberio Belaza, M. Un militar mata a su ex esposa ante la pasividad de la justicia // El País. 2008. P. 332.

⁴ По данным исследований, ложными в той или иной мере являются до 90% поданных женщинами уведомлений о насилии, совершаемых супругами/партнерами.

нерегулярное жестокое обращение с супругом или партнером, угрозы физического, психического принуждения. Нормы о делящихся издевательствах над членом семьи инкорпорированы в законодательство большинства Латиноамериканских стран.

В Аргентине проблемным аспектом считается квалификация бытового насилия как легкого неоднократного издевательства вместо преследования за систематические издевательства⁵. Подход вызван стремлением распространить упрощенные формы дознания и судопроизводства.

Тенденцией последних лет стала нормативная дифференциация санкций закона за акты насилия по гендерному признаку. За систематическое жестокое обращение с членом семьи санкция ст. 148.4 УК Испании предусматривает лишение свободы на срок от 6 месяцев до 3 лет; если оно совершается мужчиной (супругом, партнером) — на срок от 2 до 5 лет. Конституционный Суд Испании признал подход обоснованным, поскольку он обусловлен повышенной степенью опасности последствий насилия для женщин⁶.

По делам о домашнем насилии предполагается принадлежность жертвы к группе, которая считается дискриминационной, а преступник — к привилегированной. Это усиливает восприятие их как потенциальных жертв домашнего насилия, стереотипно признанных слабым, покорным и беспомощным полом.

Новые правила не учитывают, что даже отношения между женщинами имеют иерархический контекст, зачастую основаны на явном доминировании одной из сторон, включая различные формы домашнего насилия.

Законодатель Венесуэлы расширяет сферу репрессивности уголовного закона для усиления защиты потерпевших от насилия в семье. Перечень отягчающих обстоятельств содержит пункт о «ген-

дерных различиях, социокультурных признаках». Новелла с трудом воспринимается в судебной практике, поскольку статья содержит ссылку на «антисемитскую, идеологическую, религиозную мотивацию, этнические убеждения».

В Португалии введена уголовная ответственность за новые типы преступлений — принудительный брак (ст. 172 bis), постоянное преследование (stalking), где жертвами являются члены семьи (ст. 172.2 ter), распространение без согласия изображений, частных записей (sexting) супруга или партнера (ст. 197.7). Суд по собственной инициативе вправе применить запрет приближаться и общаться с жертвой (в отношении женщин) (ст. 57.2). Закон допускает приостановление исполнения реального наказания за насилие по признаку пола. Суд правомочен обязать проживать на определенном расстоянии от потерпевшего, участвовать в коррекционно-образовательных программах, курсах равноправия и недискриминации (ст. 83.2).

В Колумбии защитные меры применимы по таким составам преступлений, как неуплата алиментов (ст. 227), нарушение права опеки (ст. 123–125), похищение несовершеннолетнего (ст. 125 bis), оставление семьи или детей (ст. 126–133). Таким образом, по отдельным составам преступлений против семьи применим стандарт защиты по делам о домашнем насилии.

Что касается гражданско-правовой защиты, то только в 2005 г. в испанский Гражданский кодекс введено положение, согласно которому супруги в равной степени разделяют домашние обязанности и заботы (ст. 68), тогда как ранее закреплялась ограниченная дееспособность замужней женщины. Господствующий принцип должной осмотрительности определяется как забота хорошего отца семейства⁷.

Для защиты жертв домашнего насилия важно существование института экспресс-развода, когда расторжения брака просит жертва домашнего насилия.

⁵ Subijana Zunzunegui, I.J. La igualdad y la violencia de género en el orden jurisdiccional penal // Revista Electrónica de Ciencia Penal y Criminología, 2010. № 12. P. 3–4.

⁶ Rollo 411/06 de 22 de marzo para la igualdad efectiva de mujeres y hombres. STC 59/2017.

⁷ Lorenzo Copello, P. La Violencia de Género en la ley integral. Valoración político-criminal // Revista Electrónica de Ciencia Penal y Criminología. 2005. P. 120.

Для этого достаточно обосновать, что жизнь, здоровье, свобода, психическая или сексуальная неприкосновенность супруга или детей находятся под угрозой (ст. 81.2).

Закон 2015 г. «О добровольной юрисдикции» запрещает вступать в брак лицам, осужденным за умышленную смерть супруга или сожителя, если не обоснована исключительность оснований. Совместная опека над детьми исключается, когда против одного из родителей возбуждено уголовное дело в связи с его преступными действиями в отношении жизни, здоровья, морали и нравственности, сексуальной свободы супруга или детей⁸.

Отметим, что «домашнее насилие» в странах Латинской Америки толкуется расширительно, включает поведение, порождающее физические, сексуальные, психические и эмоциональные травмы, последствия экономического характера, которые распространяются даже на лиц, не проживающих совместно.

К позитивному опыту следует отнести профессиональную подготовку участников процесса о домашнем насилии, допуск специалистов-психологов на этапе проверки сообщения о преступлении, защиту от новых форм насилия (экономическое насилие), широкий спектр временных защитных мер.

⁸ Ключников А.Ю. К вопросу о свободе труда лиц, осужденных к лишению свободы, в прак-

тике ЕСПЧ // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 1. С. 169–173.

Литература

1. Ключников А.Ю. К вопросу о свободе труда лиц, осужденных к лишению свободы, в практике ЕСПЧ / А.Ю. Ключников // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 1. С. 169–173.
2. Arias, J. Un centenar de personas despierte entre aplausos el ataúd de la mujer quemada viva por su ex marido / J. Arias, A.V. García // El País. 1997. 19 December's.
3. Carranco, R. Un militar mata a su ex esposa ante la pasividad de la justicia / R. Carranco, B.M. Ceberio // El País. 2008. 11 April's.
4. Chirinos, R.S. La ley de medidas de protección integral contra la violencia de género / R.S. Chirinos. Valencia : Editorial Tirant Lo Blanch, 2010. 146 p.
5. Laurenzo Copello, P. La Violencia de Género en la ley integral. Valoración politico-criminal // Revista Electronica de Ciencia Penal y Criminología. 2005. Vol. 7 (8). P. 8–23.
6. Subijana Zunzunegui, I.J. La igualdad y la violencia de género en el orden jurisdiccional penal / I.J. Subijana Zunzunegui // Revista Electrónica de Ciencia Penal y Criminología. 2010. Vol. 12. P. 3–4.

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Подготовлены рекомендации по судебному и административному обжалованию нормативных правовых актов, решений и действий Минэкономразвития России

В частности, указан перечень сведений, которые должны содержаться:

в административном исковом заявлении об оспаривании нормативного правового акта, о признании незаконными решений, действий (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями;

в заявлении о признании ненормативного правового акта недействительным, решений и действий (бездействия) незаконными.

Обжалование решений, действий (бездействия) Минэкономразвития России, подведомственных ему федеральных служб, федерального агентства, организаций и должностных лиц во внесудебном порядке осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращения граждан Российской Федерации».

См.: «Информация о судебном и административном порядке обжалования нормативных правовых актов и иных решений, действий (бездействия) Минэкономразвития России, подведомственных ему федеральных служб, федерального агентства, организаций и их должностных лиц» (утв. Минэкономразвития России 17.03.2020)

Великий прорыв отечественной судебной статистики 1872 года – сессия Международного статистического конгресса в Санкт-Петербурге

Латышева Наталья Аркадьевна,

доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
latyshevanatalia@yahoo.com

Состоявшаяся в 1872 году в Санкт-Петербурге VIII сессия Международного статистического конгресса в своих материалах и резолюциях, основанных в том числе на содержании нормативного правового регулирования статистического наблюдения в Российской империи, продемонстрировала не имеющие аналогов успехи отечественной судебной статистики второй половины XIX века.

Ключевые слова: уголовно-правовая статистика, VIII сессия Международного статистического конгресса 1872 года (Санкт-Петербург), статистический учет, статистическая отчетность, справки о судимости.

The Great Breakthrough of National Judicial Statistics of 1872: A Session of the International Statistical Congress in Saint Petersburg

Latysheva Natalya A.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law
of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice
PhD (Law)

The VIII session of the International statistical Congress, held in St. Petersburg in 1872, in its materials and resolutions based, inter alia, on the content of the normative legal regulation of statistical observation in the Russian Empire, demonstrated the unparalleled success of the domestic judicial statistics of the second half of the 19th century.

Keywords: criminal law statistics, VIII session of the International statistical Congress of 1872 (St. Petersburg), statistical accounting, statistical reporting, criminal records.

Вслед за Брюссельской (1853 г.), Парижской (1855 г.), Венской (1857 г.), Лондонской (1860 г.), Берлинской (1863 г.), Флорентийской (1867 г.), Гаагской (1869 г.) сессиями VIII сессия Международного статистического конгресса состоялась в августе 1872 г. в Санкт-Петербурге. Подготовка к его проведению на высоком государственном уровне осуществлялась около двух лет Подготовительной и Организационной комиссиями¹. Почетный председатель VIII сессии конгресса Великий князь Константин Николаевич в торжествен-

ной речи по случаю открытия 10 августа 1872 г. произнес: «Точно знать состояние государства и народа, с незапамятных времен, было первой потребностью всех государственных людей»². Участниками Петербургской сессии стали 126 иностранных делегатов и 150 отечественных ученых и государственных деятелей. Языком конгресса был французский, что, впрочем, не мешало его участникам общаться на удобных им языках.

Конгресс работал в пяти отделениях. V отделение именовалось «Уголовная статистика». Возглавлял работу отделе-

¹ См. подробнее: Доклад Подготовительной комиссии по устройству // VIII сессия Международного статистического конгресса. СПб., 1872. 53 с.

² Записка В.Г. Тригорова о деятельности Международного статистического конгресса, проходившего в Санкт-Петербурге в 1872 г. Саратов, 1873. С. 50.

ния тайный советник, сенатор, председательствующий в Уголовном кассационном департаменте Правительствующего Сената Николай Иванович Стояновский, вице-председателем стал статский советник, профессор уголовного права Императорского Санкт-Петербургского университета Николай Степанович Таганцев. Председательствовал в его заседаниях доктор М. Баумгауер (Нидерланды), замещавший на своей родине должность начальника Статистического отделения в Министерстве внутренних дел. Участники V отделения сосредоточились на обсуждении следующих главных вопросов:

1. Составление сравнительной номенклатуры преступлений и преступников.

2. Классификация правонарушений по группам, для составления общих заключений, выводов и сравнений в изданиях уголовной статистики.

3. Устройство справок у судимости.

4. Способы регистрации данных, входящих в состав уголовного следствия и суда³.

В ходе проведения дискуссий была отмечена новизна тематики обсуждения: если на предыдущих сессиях конгресса обсуждались группировки, образующие предмет уголовно-правовой статистики, то петербургская сессия впервые обратилась к основному вопросу статистического наблюдения — организации регистрации. Профессор Мюнхенского университета доктор Г. Майер (Бавария) настаивал: 1) необходимо ввести везде правильную и единообразную регистрацию учетно-статистических данных; 2) лучшим способом регистрации является «именная запись»; 3) в ходе статистического наблюдения необходимо вести два вида учетных листков — особые листки для каждого дела, содержащие в себе «все фазы уголовного процесса», а также именные листки на каждого подсудимого, содержащие «характеристические признаки»; 4) особые листки должны быть введены для всех правонарушений, а именные — только для самых важных⁴.

³ Там же. С. 31.

⁴ С. 32.

Основной темой выступления доктора Е. Ивернеса (Франция) стали «списки судимости». Ученый, являвшийся по должности начальником Статистического бюро Министерства юстиции и духовных дел, исходил из понимания того, что «официальная статистика должна представлять обстоятельные сведения о рецидивах». Он пришел к выводу, что «в каждой стране необходимо ввести свою систему списков судимости и периодических записей "для констатирования и исследования рецидивов"»⁵.

В докладе Раевского⁶ и Утина⁷ отмечалось: «*Всякое дело, возникшее из факта, дающего повод к уголовному преследованию, записывается на отдельном листке, в который вносятся последовательно указания обо всех фазах процесса, от начала следствия до объявления приговора...*»⁸

В целях достижения «возможной ясности» листок учета по следственному делу должен разделяться на отделы согласно «главным периодам процесса»: начало следствия, предание суду, окончательный приговор, ход дела по апелляции и кассации, окончательное объявление приговора. Раевский и Утин в своем труде обосновали необходимость ведения именных листков на всех подсудимых, определили потребность в регистрации «физической и моральной физиономии параллельно с характером преступления, приведшего их на скамью подсудимых»⁹. В заседаниях конгресса были рассмотрены разработанные в России формы документов в статистическом наблюдении. Ими стали: форма листка для дела как для окружных судов, так и для судебных палат; форма донесения о начале уголовного следствия; форма следственного

⁵ Там же.

⁶ Прим.: М.Н. Раевский по своему гражданскому чину являлся коллежским советником (чин VI класса по Табелю о рангах), замещал должность старшего редактора Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи.

⁷ Прим.: Я.И. Утин являлся начальником Статистического отделения и Архива справок о судимости в Министерстве юстиции.

⁸ Восьмая сессия международного статистического конгресса в Санкт-Петербурге. Доклады и постановления. СПб., 1873. С. 98.

⁹ Там же.

листка для единоличных судей; именной листок для подсудимого. Российский опыт, в частности, стал предметом дебатов о форме листка судебного дела для окружных судов. Формуляр данного документа состоял из пяти разделов:

— разд. «А. Заявление о деле и предварительное следствие»: когда началось следствие; преступление, давшее повод следствию; где совершено преступление (в обитаемом или необитаемом месте); когда совершено преступление; число обвиняемых (арестованных, на свободе; мужчин и женщин); приглашенных к делу (свидетелей, экспертов, ассистентов);

— разд. «В. Следствие и предание суду»: дело (отослано в другой суд по принадлежности; окончено (за объявлением неподсудности, за постановлением о предании суду; за отказом потерпевшей стороны)); время, когда состоялось о том постановление; преступление, за которое обвиненные преданы суду; число лиц, дело о которых «следовано» (под стражей, на свободе; мужчин, женщин);

— разд. «С. Окончательное решение»: когда дело поступило в суд; по преследованию правительством?; по частной жалобе?; дело разбиралось (когда, с присяжными, без присяжных, публично, при закрытых дверях, при выслушивании обеих сторон, при отсутствии или неявке в суд); число лиц (осужденных, оправданных, прочих (обозначать), из числа оправданных были под стражей, в продолжение процесса умерло); было призвано к суду свидетелей, экспертов, из них выслушано; есть ли в деле гражданская сторона?; против приговора были принесены (жалобы, со стороны скольких лиц);

— разд. «D. Производство дела по апелляции и кассации»;

— разд. «Е. Время окончательного объявления приговора»¹⁰.

Именной листок на подсудимого, представленный к осуждению Раевским и Утиным, должен был включать в себя регистрационные сведения, состоящие из 22 пунктов: 1. Имя, фамилия и прочие индивидуальные признаки. 2. Возраст в

момент совершения преступления. 3. Семейное положение: холостой, женатый, вдовый, в разводе (разведенный по суду) с детьми или без детей (число). 4. Вероисповедание. 5. Родной язык. 6. Степень образования (совершенно неграмотный, умеющий читать, умеющий писать и читать, получивший высшее образование). 7. Место рождения. 8. Законно или незаконно рожденный. 9. Место жительства (город, село). 10. Состояние, профессия, ремесло. Если подсудимый несовершеннолетний, то обозначается ремесло его родных или его состояние как сироты или покинутого родителями. Если это женщина, без собственной профессии, то обозначается профессия ее мужа. 11. Имущественное состояние. 12. Телесные недостатки (глух, нем, слеп и проч.). 13. Характер преступления. 14. Предполагаемые причины преступления. 15. Приговор об осуждении или оправдании; в первом случае означает преступление, по которому произнесен приговор с указанием подлежащих статей закона. 16. Преступление совершено (когда, где, одним лицом или в соучастии). 17. Подвергался ли подсудимый предварительному задержанию, и его продолжительность. 18. Был ли оставлен на свободе, какие приняты меры, для того чтобы воспрепятствовать уклонению подсудимого от суда. 19. Наказание, к которому присужден подсудимый. 20. Разбиралось ли дело с участием присяжных или без них. 21. Не подвергался ли подсудимый осуждению прежде и сколько раз (за такое же преступление, за преступление другого рода). 22. Если это был рецидив, то к какому наказанию и когда подсудимый был присужден прежде.

В заседаниях конгресса обсуждались содержательные различия в способах и формах ведения статистического наблюдения в различных европейских державах. В частности, отмечалось, что французская система состояла в алфавитном распределении по фамилиям лиц, родившихся в том же округе и осужденных приговорами уголовного, исправительного, военного и морского судов. При этом сведения об осужденных иностранцах и лицах, место рождения

¹⁰ Там же. С. 100–102.

которых не известно, сосредоточивались в Центральном бюро при Министерстве юстиции. При этом извлечения из собираемых таким образом списков присоединялись ко всем возникающим уголовным судопроизводствам. Таким образом, при осуществлении правосудия в Англии начала 70-х гг. XIX в., при выборе степени наказания судьи имели данные о преступлениях, совершенных подсудимыми в прошлом. В отличие от данных подходов, российская система состояла в сосредоточении в Министерстве юстиции сведений о криминальной судьбе привлеченных к уголовной ответственности лиц, которые заключались в издании алфавитных списков, ежегодно направляемых в суды. В данные алфавитные списки включались фамилии всех лиц, осужденных в России в прошедшем году, а также номера ссылок, позволяющие отследить их прошлые судимости (сведения о рецидиве). При обсуждении и выявлении особенностей систем учета судимости участниками конгресса справедливо отмечалось: «Принятие той или иной системы подчиняется, прежде всего, судебной и административной организации всякого государства, уклоняется от решительного приговора о сравнительном достоинстве систем»¹¹. Участники конгресса исследовали содержание организуемого в Российской империи статистического наблюдения «лично, в Министерстве юстиции посредством знакомства с прекрасными по этому поводу работами»¹². Несмотря на наличие «довольно значительных пробелов»¹³ в выступлениях участников, ими отмечалось: «Осуществляя самую рациональную систему регистрации, Россия оказала громадную услугу статистике, и Отделение самым наглядным образом признало эту заслугу»¹⁴.

Н.С. Таганцев в своем заключительном выступлении указал, что «все статистики осознают необходимость однообразной номенклатуры преступлений». При этом

он обозначил вопросы глобального характера для дальнейшего развития международной судебной статистики в связи с необходимостью введения единых рубрик, а также принятия новых и, в связи с этим, установления правильного соотношения между рубриками международной и национальной статистики¹⁵. Выводы были заключены в выступлении Е. Ивернеса в форме «пожеланий» конгрессу: «обустройстве в каждой стране системы списков судимости, издаваемых периодически, для исследования и констатирования рецидивов, о предназначении официальной статистики в предоставлении обстоятельных сведений о рецидивах, о возможности изучать рецидивы в связи с пенитенциарной системой, о подробном рассмотрении вопросов о рецидивах и пенитенциарной системы на ближайшей сессии Конгресса»¹⁶.

Российская судебная статистика, по сути начавшая свое развитие с трудов Александра Николаевича Радищева по законодательству («О законоположении», 1802 г.), за несколько десятилетий приобрела статус ведущей мировой системы статистического наблюдения о судопроизводстве и лицах, совершивших преступления. Первые Правила отчетности Министерства юстиции были высочайше утверждены еще 15 июня 1830 г. С течением времени расширялись формы отчетов. В 1834 году введена Таблица о рецидиве, в 1844 г. — Ведомость о числе чиновников, судимых по преступлениям против должности, в 1851 г. — Таблица о сроках предварительного задержания (менее года, более года, более двух лет, более трех лет) и т.д.¹⁷. Итоги конгресса показали возможность свободного заинтересованного диалога специалистов, дали толчок совместному поиску оптимальных решений на основе изучения действующего в различных государствах нормативного регулирования. Кроме этого, сам конгресс генерировал дополнительный импульс

¹¹ Восьмая сессия Международного статистического конгресса в Санкт-Петербурге. Доклады и постановления. СПб., 1873. С. 106.

¹² С. 97.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Восьмая сессия Международного статистического конгресса в Санкт-Петербурге. Доклады и постановления. СПб., 1873. С. 110–111.

¹⁶ Там же. С. 107.

¹⁷ См. подробно: Латышева Н.А. История отечественной судебной статистики. М.: РГУП, 2019.

генезиса дореволюционной судебной статистики в России¹⁸ на фоне идентичности и целостности системы отечественного права¹⁹. Данное историческое событие позволяло сохранять лидирующее положение

отечественной судебной статистики вплоть до начала XX в.

В условиях внутреннего видового разнообразия современной судебной статистики, выраженного в функционировании не только уголовно-правовой, но и конституционно-правовой, гражданско-правовой, административно-правовой судебной статистики²⁰ идея воссоздания сессий Международного статистического конгресса вполне может найти своих сторонников.

¹⁸ См. подробно: Латышева Н.А. Организация ведения судебной статистики в Российской империи на рубеже XIX–XX веков // Российский судья. 2018. № 2. С. 52–57; Латышева Н.А. Роль ведомственного статистического наблюдения в реализации положений судебной реформы 1864 года // Российский судья. 2018. № 11. С. 38–41.

¹⁹ Исаев И.А. Проблема правового заимствования: Россия и Запад // История государства и права. 2016. № 11. С. 3–7.

²⁰ Латышева Н.А. Виды судебной статистики: генезис и современные тенденции // Российское правосудие. 2018. № 6. С. 60–72.

Литература

1. Анучин Е.Н. Значение статистики как науки и Международный статистический конгресс / Е.Н. Анучин. Санкт-Петербург : Общественная польза, 1872. 24 с.
2. Исаев И.А. Проблема правового заимствования: Россия и Запад / И.А. Исаев // История государства и права. 2016. № 11. С. 3–7.
3. Латышева Н.А. Организация ведения судебной статистики в Российской империи на рубеже XIX–XX веков / Н.А. Латышева // Российский судья. 2018. № 2. С. 52–57.

НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Арбитражным судом Дальневосточного округа обобщена судебная практика по вопросам рассмотрения споров, вытекающих из договоров перевозки

В обзоре приведены, в частности, следующие выводы:

при проверке обоснованности корректировки перевозчиком размера провозной платы необходимо учитывать технические характеристики вагона и реальную возможность перевозки в нем груза, заявленного грузоотправителем в перевозочном документе;

в случае если между перевозчиком и грузоотправителем заключен договор на оказание услуг по взвешиванию грузов во избежание указания отправителем недостоверных сведений в перевозочных документах, обстоятельства исполнения сторонами такого договора имеют значение при рассмотрении спора о взыскании штрафа за неправильное, неточное или неполное указание отправителем сведений в накладной;

нанесение непосредственно на продукцию предупредительной маркировки заводом-изготовителем не свидетельствует о том, что перевозимый груз является запрещенным к перевозке грузом, указанным в пункте 178 Правил перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом;

если выгрузка груза осуществлялась силами грузополучателя, то на него возлагается обязанность по обеспечению сохранности внутреннего оборудования вагонов при выгрузке и пломбированию запорно-пломбировочными устройствами порожних вагонов;

если стороны использовали разные методы определения общей массы груза, перевозимого насыпью или навалом: отправитель при погрузке — расчетным способом (по обмеру), перевозчик при проверке — путем взвешивания, коммерческий акт подлежит составлению только в том случае, когда излишек массы груза превышает 1% от массы груза, указанной в накладной.

См.: «Обзор судебной практики по рассмотрению споров, вытекающих из договоров перевозки» (утв. постановлением президиума Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.03.2020 № 4)

Электронная технология определения оптимальной меры наказания («Электронные весы правосудия»)

Аликперов Хаилар Джафарбала оглы,
доктор юридических наук, профессор,
генерал-майор юстиции (государственный советник
юстиции 3-го класса) в отставке
xan_alikperov@hotmail.com

В статье изложены основные направления концепции электронной системы определения виновному оптимальной меры наказания с учетом объективных и субъективных свойств совершенного им преступления, раскрыты ее содержание и социально-правовая обусловленность, сделан краткий экскурс в историю становления и развития идеи формализации правил назначения наказания, показан принцип работы электронной технологии назначения наказания, раскрыт механизм генерации электронной системой оптимальной меры наказания за конкретное преступление, обоснована необходимость внедрения «электронных весов правосудия» в деятельность судов, что позволит максимально полно формализовать в Уголовном кодексе РФ правила назначения наказания, упорядочить в нем объем и пределы судебного усмотрения, минимизировать неоправданно суровые и необоснованно мягкие приговоры, предупредить коррупцию и иные злоупотребления при отправлении правосудия по уголовным делам, снизить судебные ошибки, формировать в стране единую судебную практику назначения наказания.

Ключевые слова: «электронные весы правосудия», Уголовный кодекс РФ, судья, позитивные и негативные баллы, генерация наказания, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, судебское усмотрение, лестница наказания, партитура, шкала наказания, суд, индексация смягчающих и отягчающих обстоятельств, уголовное законодательство, матрица назначения наказания, алгоритм индивидуализации наказания.

The Electronic Technique of Determination of the Optimal Punishment (“The Electronic Scales of Justice”)

Alikperov Khailar D.
Discharged Major General of Justice (Class 3 State Counselor of Justice)
LL.D., Professor

The article outlines the main directions of the concept of an electronic system for determining the guilty optimal punishment taking into account the objective and subjective properties of the crime committed by him, reveals its content and social and legal conditionality, made a brief excursion into the history of the formation and development of the idea of formalizing the rules of sentencing, shows the principle of electronic technology of sentencing, disclosed the mechanism of generation by the electronic system of the optimal punishment for a specific crime; The necessity of introducing the 'Electronic Scales of Justice' into the activities of the courts, which will make it possible to fully formalize the rules of sentencing in the Criminal Code of the Russian Federation, streamline the scope and limits of judicial discretion, minimize unnecessarily harsh and unreasonably lenient sentences, prevent corruption and other abuses in the administration of justice criminal cases, to reduce judicial errors, to form a single judicial practice of sentencing in the country.

Keywords: 'Electronic Scales of Justice', Criminal Code of the RF, judge, positive and negative points, Code of Criminal Procedure of the RF, judicial discretion, generation of punishment, scale of punishment, score, scale of punishment, court, indexation of mitigating and aggravating circumstances, criminal law, matrix of sentencing, algorithm for individualizing punishment.

Тернистый путь формализации правил назначения наказания. Проблемы разработки организационно-правовых механизмов, способных, с одной стороны, обеспечить назначение судом справедливого наказания, а с другой — исключить коррупцию, самоуправство и другие злоупотребления со стороны

судьи (суда) в процессе отправления правосудия, будоражат человечество с древних времен.

Однако, невзирая на все принятые меры, в том числе и на установление крайне суровых, а порой и жестоких мер ответственности за лихоимство, мздоимство и иные злоупотребления при

отправлении правосудия, человечеству так и не удалось за многие тысячелетия изжить из храма правосудия ни предвзятость, ни продажность судей при рассмотрении и разрешении уголовных дел.

К сожалению, и наука оказалась в этом вопросе бессильной, хотя за истекшие века масса чернил была пролита учеными над поиском разрешения этой проблемы. Ни специалисты в области уголовного права и криминологии, ни социологи и психологи, ни философы и т.д. так и не смогли за столь большой исторический отрезок времени предложить обществу более или менее надежный рецепт от этой социально-правовой пандемии.

Таким образом, исторический опыт показывает, что бессмысленно стремиться искоренить предвзятость, обвинительный уклон, лихоимство и т.д. из коридоров судов. Поэтому эта идея, какой бы позитивной она бы ни была, является утопией, поскольку перечисленные выше пороки, увы, давно трансформировались в вечный спутник правосудия.

Учитывая это, сегодня необходимо сосредоточиться на поиске оптимальных мер, способных максимально минимизировать существующие пороки в деятельности судов по отправлению правосудия по уголовным делам.

Одним из вариантов разрешения этой фундаментальной проблемы правосудия в последние сто лет ученые многих стран мира видят в формализованных правилах назначения наказания. Так, начиная с 1916 г. они пытаются разработать универсальный алгоритм, применение которого позволит формализовать правила назначения наказания.

Однако, несмотря на сотни и сотни специальных исследований по данной проблематике, по сей день нет целостной концепции разрешения этой фундаментальной проблемы уголовного права.

Что же касается существующих разработок в этом направлении, то приходится констатировать, что ни одна из них, увы, непригодна для практической реализации. Одни из них основаны на крайне сложных методах применения, другие требуют от судьи проведения в совещательной комнате при назначении

наказания многочисленных математических расчетов, что неприемлемо для правоприменительной практики, учитывая непомерно высокий уровень ошибок, которые могут быть допущены при использовании такого метода определения наказания.

Другая ахиллесова пята данных разработок — это то, что их авторы не приняли во внимание, что без использования современных цифровых технологий невозможно осуществить максимально полную формализацию правил назначения наказания.

Вместе с тем это не означает, что надо отказаться от идеи формализации правил назначения наказания, поскольку ее воплощение в деятельность судов способно кардинально разрешить комплекс проблем, существующих в повседневной работе судов по отправлению правосудия по конкретным уголовным делам.

Одним из возможных решений данной проблемы может стать электронная система определения оптимальной меры наказания, в рамках которой возможно не только максимально полно формализовать правила назначения наказания, но и автоматизировать процесс его назначения.

Электронная система определения оптимальной меры наказания (сокращенно — «Электронные весы правосудия») разработана для оказания помощи судье в выборе оптимальной меры наказания из числа предусмотренных в Уголовном кодексе РФ (УК РФ, УК) за совершенное преступление, которое было бы не только законным и обоснованным, но и соразмерным как общественной опасности преступления, так и личности виновного.

Тестовая апробация «электронных весов правосудия» на более чем ста сорока различных обвинительных приговорах, вступивших в законную силу, показала, что предложенная электронная система в состоянии успешно справиться с выбором справедливого наказания, причем с вероятностью, как минимум, 97–99%.

В ней правила назначения наказания максимально формализованы, согласованы с системой правил, требований и критериев, установленных в уголовном и уголовно-процессуальном законода-

тельстввах, а сама процедура определения наказания осуществляется автоматически, на основе исходных данных об уголовном деле и виновном, введенных судьей в диалоговое окно (интерфейс) «электронных весов правосудия» для генерации оптимальной меры наказания.

Формализованные правила (а их в материнской плате в предложенном концепте свыше четырех тысяч) закреплены на партитурах более чем 250 алгоритмов индивидуализации наказания, которые охватывают бесконечное число (около шестисот миллионов) всевозможных комбинаций преступного проявления в его реальном бытии. В каждом из них подробно регламентирована процедура выбора судьей (судом) оптимальной меры наказания с учетом как объективных, так и субъективных свойств совершенного преступления как небольшой, так и средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого, содеянного как взрослым, так и несовершеннолетним, как по неосторожности, так и умышленно.

Наряду с этим отдельная группа алгоритмов «электронных весов правосудия» регулирует особенности индивидуализации наказания по уголовным делам, рассмотренным как в особом порядке, так и с участием присяжных заседателей.

Одной из характерных особенностей электронной системы определения наказания является ее независимость от возможных изменений в уголовном законодательстве, в том числе от криминализации и декриминализации, изменений в санкциях его Особенной части против видов наказания, его сроков или размеров.

Для этих целей во всех алгоритмах индивидуализации наказания вместо названий преступлений использованы их категории, а исчисление сроков и размеров наказания за их совершение проведено на основе специальных математических формул, универсальность которых позволяет в максимальной степени адаптировать «электронные весы правосудия» к любым дополнениям и изменениям в УК.

В зависимости от уголовно-правовых особенностей совершенного преступления рассматриваемая технология

определения наказания предусматривает четыре режима генерации оптимальной меры наказания. При:

1) *единичном преступлении* (когда лицо, не имеющее судимости, единолично совершает одно преступление, в том числе за прерванное преступление, — приготовление и покушение);

2) *рецидиве преступлений* (охватывает как общий и опасный рецидивы, так и особо опасный рецидив преступлений, в том числе который образует как оконченное или прерванное единичное преступление, так и их совокупность, совершенное как единолично, так и в соучастии);

3) *совокупности преступлений* (этот режим «электронных весов правосудия» генерирует наказание за совокупность оконченных и прерванных преступлений, совершенных как одним лицом, так и в соучастии);

4) *соучастии в единичном преступлении* (в этом режиме система генерирует наказание за оконченное и прерванное преступление, совершенные группой лиц; группой лиц по предварительному сговору; организованной группой; преступным сообществом (преступной организацией), причем индивидуально для организатора и подстрекателя преступления, исполнителя (соисполнителя) и пособника).

Порядок применения каждого из перечисленных выше режимов генерации оптимальной меры наказания подробно изложен в инструкции, которая является составной частью «электронных весов правосудия».

Как видно из этой краткой характеристики электронной системы определения наказания, она на входе получает от судьи (суда) исходные данные о преступлении и лице, его совершившем, а на выходе выдает ему исчерпывающие рекомендации относительно конкретного вида наказания (причем как основного, так и дополнительного), его сроков или размеров, подлежащих применению к виновному.

«Электронные весы правосудия» носят универсальный характер, в силу чего могут быть одинаково успешно применены при отправлении правосудия как

в государствах постсоветского пространства, так и в других странах, законодательство которых базируется на ценностях романо-германской правовой системы.

Другое достоинство электронной технологии определения наказания заключается в том, что ее реализация в правоприменительной деятельности судов приведет к существенной либерализации практики назначения наказания, которое станет более гуманным, а его сроки или размеры — щадящими.

Еще одно преимущество предложенной технологии заключается не только в том, что в ней впервые в теории уголовного права осуществлена максимально полная формализация правил назначения наказания, но и в том, что ее операционная система генерирует оптимальную меру наказания в автоматическом режиме, то есть без вмешательства человеческого фактора.

В материнскую плату электронной системы определения меры наказания заложен мультимедийный режим дистанционного многотерминального доступа (своего рода предтеча сетевого взаимодействия), что позволяет неограниченному числу судей, отдаленных от главного сервера на большие расстояния (к примеру, на Чукотке, в Магадане, на Камчатке и т.д.), одновременно пользоваться «электронными весами правосудия» и генерировать с их помощью оптимальную меру наказания виновному по конкретному уголовному делу.

В «электронных весах правосудия» предусмотрено шесть уровней защиты: от ошибок при вводе исходных данных; несанкционированного доступа; попытки ввести изменения в программное обеспечение системы и т.д. Например, если судья при вводе исходных данных в диалоговое окно системы допустит ошибку, то «электронные весы правосудия» выдадут предупреждение об этом и заблокируют его дальнейшие действия до тех пор, пока не будет исправлена допущенная ошибка. Благодаря другим уровням защиты ни судья, ни иное лицо, допущенное к процессу автоматической генерации наказания, не в состоянии обмануть данную систему определения

наказания или незаконно проникнуть в ее материнскую плату либо внести изменения или дополнения в ее матрицу назначения наказания и алгоритмы его индивидуализации.

«Электронные весы правосудия» как помощник судьи. В процессе создания электронной технологии определения наказания автор постарался не только максимально полно формализовать в ней правила назначения наказания и автоматизировать процесс его генерации, но и стремился, с одной стороны, усилить процессуальную независимость участников уголовного процесса, в частности судьи и государственного обвинителя, подсудимого и защитника, а с другой — застраховать их от возможных ошибок или опрометчивых шагов в ходе уголовного судопроизводства. К примеру, программное обеспечение (софт) электронной технологии определения наказания не только будет защищать судью (суд) от ошибок и внешнего давления при вынесении им вердикта по конкретному уголовному делу, но и станет непреодолимым барьером от возможных злоупотреблений с его стороны как при выборе виновному вида наказания за совершенное преступление, так и определении его сроков или размеров. Защитника и государственного обвинителя «электронные весы правосудия» оградят от внешнего давления, помогут выстраивать правильную линию защиты и обвинения в уголовном процессе, освободят от необходимости доказывать суду целесообразность назначения подсудимому того или иного наказания, обосновывать его конкретные сроки или размеры и т.д. Что касается подсудимого, то он с момента привлечения его к уголовной ответственности будет информирован не только о примерных параметрах наказания, которое ему грозит в случае доказанности вины в совершении того или иного преступления, но и знать о тех реальных возможностях «электронных весов правосудия», используя которые он сможет облегчить свою участь посредством выполнения тех или иных позитивных посткриминальных поступков, перечень которых дан в Уголовном кодексе РФ.

Как видим, предложенная технология определения оптимальной меры наказания направлена на совершенствование деятельности участников уголовного процесса, охрану их независимости при выполнении своих процессуальных функций, а также существенно снижает риски судебных ошибок при выборе виновному вида наказания и определении его сроков (размеров), исключает злоупотребления и сужает необъятные просторы судейского усмотрения, а сам процесс назначения наказания делает прозрачным и легко контролируемым. Поэтому было бы ошибочно считать «электронные весы правосудия» чем-то из области сюрреализма, а также что разработчик стремится низвести судью до уровня примитивного зомби, поведение которого будет подстраиваться под требования электронной системы определения наказания.

Это не так. Во-первых, «электронные весы правосудия» не подменяют судью (суд) в уголовном процессе, а являются лишь его бескорыстным электронным помощником при выборе меры наказания. Во-вторых, она свободна от таких человеческих пороков, как корысть, зависть, месть, податливость и т.д.

К перечисленным выше достоинствам предложенной системы определения наказания надо добавить и то, что она обладает и мощным искусственным интеллектом и работает на порядок быстрее человеческого мозга, в силу чего оптимальное наказание генерирует за считанные секунды.

Практическое применение «электронных весов правосудия». Прежде всего отметим, что «электронные весы правосудия» предназначены только для тех случаев, когда судья (суд) не считает возможным прекратить находящееся в его производстве уголовное дело как по реабилитирующим, так и нереабилитирующим основаниям. Иными словами, предложенная технология определения наказания применяется только в совещательной комнате, куда судья (суд) удалится для постановления приговора.

Практическое применение электронной технологии назначения наказания достаточно просто: для определения оптимального наказания за конкретное

преступление судье (оператор) необходимо сесть за компьютер, после чего:

- зарегистрироваться, то есть указать пароль входа в сервер «Электронных весов правосудия», ввести идентификационный код судьи, который будет ему выдан Верховным Судом РФ, войти в диалоговое окно электронной системы определения оптимальной меры наказания (первый шаг);

- выбрать один из четырех режимов генерации оптимальной меры наказания (второй шаг);

- изложить краткую информацию по уголовному делу (путем заполнения небольшой анкеты) (третий шаг);

- ответить на семь/восемь вопросов «электронных весов правосудия» (в зависимости от варианта выбранного режима работы) при помощи «лайка» на соответствующую иконку (четвертый шаг).

Если все ответы на вводные вопросы были даны корректно, то «электронные весы правосудия», предварительно осуществив первый контрольный замер и получив одобрение оператора с результатами замера, запустят процесс их обработки на основе введенных в систему всех юридически значимых объективных и субъективных свойств совершенного преступления, в том числе личности виновного, его возраста, семейного положения, отношения к содеянному, поведения до и после совершения преступления и т.д.

Далее операционная программа системы обобщит полученные данные, проведет второй контрольный замер и, получив одобрение оператора с результатами второго замера, в синтезированном виде экстраполирует их на количественные показатели позитивных и негативных баллов, признанных по делу и внесенных в память «электронных весов правосудия».

После анализа всех вводных данных и проведения заключительного (третьего) контрольного замера система перейдет к генерации оптимальной меры наказания за совершенное преступление, по завершении которой «электронные весы правосудия» выдадут выходные данные, в которых будут содержаться рекомендации относительно верхней и нижней

границ наказания, в пределах которых судья (суд), учитывая другие положения УК, может назначить как основное, так и дополнительное наказание.

«Электронные весы правосудия» и судебское усмотрение. Концепция электронной системы определения оптимальной меры наказания не исключает разумные пределы судебское усмотрения при постановлении приговора посредством предложенной технологии.

И это естественно, так как судьи выносят приговор на основании учета большого количества факторов — не только формального права, но и с учетом разнообразных обстоятельств морального, этического, культурологического и так далее характера. Компьютер этого не может учитывать. Поэтому автор не ставил перед собой задачи по превращению электронной системы назначения наказания в киберсудью по уголовным делам. Напротив, изначально в концепцию доктрины была заложена идея, что она является лишь электронным помощником добропорядочного судьи в процессе постановления им приговора и определения виновному наказания за совершенное им преступление.

Благодаря этому предложенная технология не подменяет праведный суд в решении многих принципиальных вопросов правосудия по уголовным делам, в том числе в вынесении вердикта о виновности или невиновности подсудимого.

Исходя из этого, электронная система определения наказания оставляет разумный рамочный простор для судебного усмотрения при определении наказания посредством предложенной системы. Так, если судья (суд) сочтет, что определенные «электронными весами правосудия» вид наказания, его сроки

или размеры не в полной мере учитывают все объективные и субъективные свойства преступления, мотивацию, побудившую виновного его совершить, другие личностные данные виновного и т.д., то он вправе применить положения ст. 64 УК РФ, допускающие назначение наказания ниже низшего предела или более мягкого вида наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ за совершенное преступление, либо положение ч. 6 ст. 15 УК РФ и изменить категорию преступления на менее тяжкую и т.д.

Помимо этого, нельзя забывать, что из 21 вопроса, которые судья (суд) в соответствии с ч. 1 ст. 299 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) должен решить в совещательной комнате при постановлении приговора, лишь один будет рассмотрен «электронными весами правосудия». Речь идет о п. 7 ч. 1 приведенной нормы УПК РФ — «какое наказание должно быть назначено подсудимому».

Наконец, если учесть, что внедрение электронной системы определения оптимальной меры наказания в деятельность судов по отправлению правосудия по уголовным делам возможно только после ее легализации законодателем, то становится очевидным, что в этом случае индексация обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, осуществленная в партитурах матрицы назначения наказания, а также конкретные виды наказания, его сроки и размеры, закрепленные в алгоритмах индивидуализации наказания, обретут силу закона. А коль так, то они будут обязательны для правоприменителей, в силу чего, по определению, не могут ограничивать судебское усмотрение при назначении наказания.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: 8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru.